

История – это интересно!

Серия

Мемуары графа де Рошфора

СОДЕРЖАЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТОМ,
ЧТО ВАЖНОГО ПРОИЗОШЛО
ПРИ КАРДИНАЛЕ ДЕ РИШЕЛЬЁ И КАРДИНАЛЕ МАЗАРИНИ,
СО МНОГИМИ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ
ПРАВЛЕНИЯ ЛЮДОВИКА ВЕЛИКОГО

Гасьен де Сандр де Куртиль Мемуары графа де Рошфора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742795

Мемуары графа де Рошфора, содержащие сведения о том, что важного произошло при кардинале де Ришельё и кардинале Мазарини, со многими отличительными особенностями правления Людовика Великого / Пер. с фр. и послесловие С. Ю. Нечаева.: Этерна; Москва;

2015

ISBN 978-5-480-00341-3

Аннотация

Весь мир знакомится с французской историей по романам Дюма. И пусть эта история не во всем верна, зато она интересна и полна самых захватывающих приключений. Более того, его можно даже считать родоначальником нового литературного жанра – эдакой исторической фантастики, в которой автор пишет не о будущем, а о прошлом, используя известные факты всего лишь как иллюстрации к развиваемому сюжету, к собственному взгляду на происходившие события. Конечно, серьезных историков это не может не раздражать.

«Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра – это 448 страниц убористого текста, который, если изложить его современным языком, вполне может превратиться в историко-приключенческий бестселлер, действие которого происходит в

XVII веке в старой доброй Франции. Что, собственно, мы и попытались сделать.

Содержание

Предисловие	8
Мемуары графа де Рошфора	12
Конец ознакомительного фрагмента.	124

**Гасьен де
Куртиля де Сандр
Мемуары графа де
Рошфора, содержащие
сведения о том, что
важного произошло при
кардинале де Ришельё и
кардинале Мазарини, со
многими отличительными
особенностями правления
Людовика Великого**

Перевод с французского и послесловие Сергея Нечаева

Серия «История – это интересно!» основана в 2009 году

В качестве иллюстраций использованы старинные кар-

тины и гравюры, а также фрагменты рисунков Мориса Ле-луара

Дизайн – Александр Архутик

Весь мир знакомится с французской историей по романам Дюма. И пусть эта история не во всем верна, зато она интересна и полна самых захватывающих приключений. Более того, его можно даже считать родоначальником нового литературного жанра – эдакой исторической фантастики, в которой автор пишет не о будущем, а о прошлом, используя известные факты всего лишь как иллюстрации к развиваемому сюжету, к собственному взгляду на происходившие события. Конечно, серьезных историков это не может не раздражать.

Мы не будем осуждать Александра Дюма. Он ведь не историк, а романист, и написал увлекательные книги, которыми зачитываются многие поколения людей. А главное – Александр Дюма очаровал нас всех приключениями своего героя.

А что же де Куртиль? Ему просто не так повезло, и его имя долгое время оставалось совершенно забытым. Однако его история графа де Рошфора – это множество весьма метких исторических портретов, масса событий, к которым сам вымышленный граф не имел ни малейшего отношения, обилие интриг, заговоров, любовных приключений, придворных сплетен... И ничего демонического, потому что граф де Рошфор не был негодяем, антигероем или «игроком на поле

зла», как его часто называют. Напротив, он был благородного происхождения и очень чтит кодекс чести. Просто он полжизни работал шпионом (есть ведь и такая работа), и обязанности свои он выполнял на совесть

«Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра – это 448 страниц убористого текста, который, если изложить его современным языком, вполне может превратиться в историко-приключенческий бестселлер, действие которого происходит в XVII веке в старой доброй Франции. Что, собственно, мы и попытались сделать.

Предисловие

Граф де Рошфор¹ был человеком настолько известным, и он умер настолько недавно², что, похоже, не надо уточнять ничего из того, что он говорит в своих воспоминаниях. Все, кто служил в армии или при дворе, прекрасно знают, что он был неспособен выдавать вымысел за правду и уж тем более писать что-либо ради введения публики в заблуждение.

Короче говоря, трудно найти человека более благородного, и я это утверждаю вовсе не потому, что был одним из его друзей, а потому, что считаю себя обязанным отдать ему должное. Если же с самого начала своих воспоминаний он говорит о своем отце нечто такое, что может показаться удивительным, не надо думать, что это неправда. Мы теперь каждый день имеем возможность видеть такие необычные вещи, что люди, хорошо знающие Париж, этому уже не удивляются. Не проходит и года, чтобы этот большой город не дал нам какой-либо весьма болезненный для одних людей сюжет, которым другие бы тут же не воспользовались к своей выгоде. То же, что касается его родственников, например его сестры, выглядит уже не столь удивительно. Сколько мужей бегают за своими женами после то-

¹ В оригинале L.C.D.R. (Le comte De Rochefort). – Здесь и далее прим. перев.

² Перевод сделан по изданию 1691 года.

го, как бросили их? Я не говорю этого из-за благочестия... Я знаю многих людей, которым стоил немалых денег переход в разряд рогоносцев и которые, тем не менее, получив все, что они заслуживают, потом вдруг начинали предпринимать не меньшие усилий для воссоединения, чем ранее – для развода.

Короче, если бы я не был уверен в том, что все это правда, мне это показалось бы еще более невероятным, чем, например, мужчина, который стремится вернуть свою жену, к которой никогда не испытывал ничего, кроме уважения. Но мне могут возразить, что тот, о ком здесь идет речь, был священником, и ему непозволительно вновь брать жену после подобного. Но почему бы и нет, если Парламент³ решил, что он может это сделать? Как бы то ни было, чтобы воздать должное истине, скажу, что, оказавшись однажды в компании с господином президентом де Байёлем⁴, я его спросил, помнит ли он об этом процессе, а также о том, что господин де Рошфор упомянул, рассказывая о нем.

Он мне ответил на это, что помнит, что нечто подобное происходило, после чего уже не о чем было говорить. Действительно, господин де Байэль – это человек такой всем

³ Парламент – так во Франции назывались высшие суды, пользовавшиеся очень большими политическими правами. Первым по времени происхождения и по значению был парижский парламент. Он был образован из непосредственных вассалов короля (крупных баронов и прелатов), высших придворных чинов и ближайших советников короля.

⁴ Николя де Байэль (1586–1652) – маркиз де Шато-Гонтье, президент парижского парламента, суперинтендант финансов в период с 1643 по 1647 г.

известной порядочности и честности, что одного его свидетельства было бы достаточно, чтобы убедить и самых недоверчивых.

Если господин де Рошфор выказывает себя столь искренним в рассказе, так сильно похожем на вымысел, то тем больше должны мы верить вещам, которые он излагает помимо того. В самом деле, что неправильного можно найти в том, что он говорит о кардинале де Ришельё? Разве мы не знаем, что все первые министры были людьми таинственными, они и должны быть такими, а этот среди всех выделялся именно этим качеством, как и рассказывает господин де Рошфор? Как бы то ни было, разве существует что-либо более естественное, чем то, что делал этот министр, чем его амбиции? В этом даже можно найти определенные уроки того, как надо себя вести, что является главной пользой, которую можно извлечь, прочитав эту книгу.

Я уверен также, что главная причина, толкнувшая графа де Рошфора написать ее, заключалась не в том, чтобы показать, как его использовали в различных секретных делах, а в том, чтобы на своем примере сделать людей мудрее. Мне кажется, что я могу доказать верность этого утверждения на примере того, сколько раз он начинал сначала в самых безнадежных ситуациях, в которые попадал благодаря господину кардиналу де Ришельё. То же самое можно сказать и о его слабости, выразившейся в том, что он хотел подольше казаться молодым.

Однако, даже если мемуары и не так полезны, как мне кажется, они, бесспорно, очень интересны. В них есть множество весьма захватывающих эпизодов, которые до сих пор еще не были описаны никем другим. Они очень разнообразны, и я не думаю, что кто-то будет скучать, читая эту книгу. Возможно, я испытываю слишком дружеские чувства к тому, кто их написал, но мы были такими друзьями, что имею право на эту слабость. Однако я не единственный, кто их прочитал, и остальные тоже придерживаются того же мнения, а посему я подчеркну еще раз, что мемуары эти великолепны.

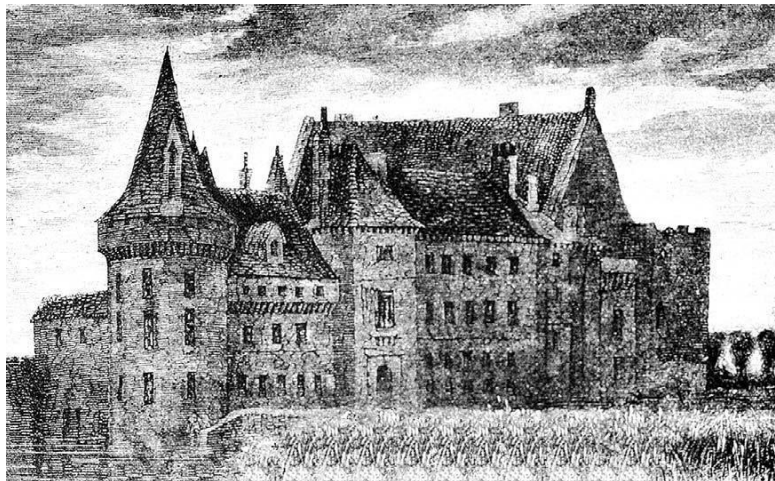
При этом признаюсь в одной вещи: я выставлю на ваш суд эти мемуары против воли их автора, который прожил всего два месяца после своего выхода в отставку и распорядился уничтожить их. Не знаю, почему он так захотел. Возможно, перед тем, как покинуть этот мир, он решил пощадить некоторых людей, с которыми у него имелись разногласия и о которых он отзывался не слишком хорошо. Но это не показалось мне достаточной причиной для того, чтобы лишить публику такого занимательного произведения: как бы то ни было, вот оно в том виде, в каком я его получил, а я сам в нем ничего не прибавил и не убавил.

Мемуары графа де Рошфора

Между Парижем и Этампом, на прямой линии, проходящей через Шартр, находится замок Оленвиль, который в прежние времена был королевской собственностью, а ныне принадлежит господину де Марийаку.

Как-то раз мой отец отправился к одному из своих родственников и взял с собой мою мать, находившуюся тогда на пятом месяце беременности. По пути они заехали к соседу, которого звали господином Гриньи, и там их кучер изрядно выпил, а потом вдруг свернул с дороги и вывез их к воротам замка Оленвиль.

Это обстоятельство привело к непоправимым последствиям, так как у моей матери вдруг начались роды, она получила при моем рождении серьезные травмы и не прожила после этого и двух дней. Это стало причиной страшной печали для всей семьи, в которой все ее очень уважали. Мой отец был так взбешен произошедшим, что готов был убить кучера, которого он считал виновником смерти моей матери. Однако господин де Марийак помешал ему это сделать, но мой отец все равно добился того, что кучера бросили в тюрьму, из которой, правда, он вышел через два или три месяца, добившись признания своей невиновности.

В связи с тем что никто и не предполагал, что я выживу, меня решили немедленно крестить. Господин де Марийак принял в этом самое деятельное участие вместе с одной дамой, оказавшейся поблизости. Ее звали мадам д'Абрувиль. А меня называли Шарлем-Сезаром, то есть именем, которое носил мой отец, так как всем показалось, что это доставит ему удовольствие. Мне наняли кормилицу, и мой отец отпустил меня в свой замок, находившийся рядом с Орлеанским лесом, а сам поехал в Париж, куда его позвали неотложные дела.

Я был единственным его ребенком, и, как уже было сказано, никто не верил в то, что я выживу, а посему все советовали моему отцу жениться во второй раз. Он был еще совсем не старым человеком, а посему легко согласился с такой постановкой вопроса. Ему предложили несколько кандидатур из лучших парижских семей, но он захотел посмотреть на всех претенденток прежде, чем принять решение, а посмотрев, не нашел никого, кто бы ему понравился. Либо там действительно не было никого достойного, либо он еще находился под впечатлением несчастного случая, связанного с моим рождением.

Как бы то ни было, но к нему вдруг пришел один из его родственников, служивший кюре в одном из лучших церковных приходов Парижа и имевший репутацию святого человека, каковым он на самом деле и являлся, и объявил, что нашел то, что нужно, — красивую девушку, юную, хорошо сложенную, богатую и во всех отношениях достойную. Короче говоря, он сказал, что это настоящее сокровище и такой случай нельзя упускать.

Конечно, мой отец прекрасно знал, что нет ничего опаснее, чем жениться по совету священника, однако святость его родственника заставила его подумать, что не бывает правил без исключений. Он сказал, что все решено, ибо он пол-

ностью доверяет мнению человека, который для других всегда делает даже лучше, чем для самого себя. Кюре ему ответил, что эта партия может принести целое состояние, что девушка в один прекрасный день будет иметь двадцать тысяч ливров ренты, что она происходит из уважаемого семейства де ля Форс и что она сможет сразу же после замужества пользоваться недвижимостью своего отца, так как у того больше нет наследников.

Невозможно с полной уверенностью сказать, какие из этих слов воздействовали на моего отца в наибольшей степени, но он тут же заявил, что хочет видеть мадемуазель, и кюре отвез его в монастырь, где она в то время находилась. Оттуда мой отец вышел под таким впечатлением, что не хотел ничего и слышать, пока дело не будет урегулировано. Однако, так как он не был совсем глупым или, как минимум, не считал себя таковым, он написал нескольким своим друзьям, которые у него были в Ажане, в районе которого находилась недвижимость отца девушки. Они ответили ему, что мадемуазель очень добродетельна, что она богата и что он, если женится на ней, будет самым счастливым из мужей. Его счастье длилось примерно три недели, в течение которых он ласкал ее так часто, как этого не сделал бы со своей любовницей ни один из самых молодых и самых пылких мужчин. Он водил ее на балы, в театр, на прогулки, а когда ему приходилось иногда оставить ее на час или на два, он возвращался к ней с такой поспешностью, которая была просто непро-

стительна для законного супруга. Все вокруг были удивлены тем, что эта его восторженность никак и ничем не регулировалась, но все решили, что, по сути, это обычное дело, когда речь идет о женщине, у которой невозможно найти ничего, что было бы способно вызвать отвращение.

При этом я был совершенно забыт, и если обо мне иногда и спрашивали, то лишь для того, чтобы узнать, не умер ли я еще. Мой отец очень хотел сына от своей новой жены и уже совсем не вспоминал о моей матери, а посему уже заранее был полон чувств к этому второму ребенку от второго брака.

Он ощущал себя в полной безопасности от любых ударов судьбы и думал лишь о том, как лучше провести время в ожидании того, на что рассчитывал в отношении имущества своей жены. При этом он подарил ей великолепную карету, массу соответствующих нарядов, но это не особо ее радовало, и порой ее лицо принимало такое меланхолическое выражение, что мой отец даже удивлялся. Он постоянно ее спрашивал, все ли хорошо и не нуждается ли она в чем. Короче, ей достаточно было одного слова, и человек, сердцем которого она завладела, уже не мог отказать ей ни в чем.

Они предавались всем возможным ласкам, как вдруг однажды мой отец почувствовал у нее на спине нечто такое, что показалось ему ненормальным. Он захотел посмотреть, что это такое, но она предпочла удалиться, не ответив, а это вызвало у моего отца подозрения, которые еще больше возбуждали его любопытство. Она попросила его не настаивать, сказала, что там нет ничего, достойного повышенного внимания, но мой отец не остановился и силой сорвал с нее рубашку. Сделав так, он увидел такое, что непременно рухнул бы наземь, если бы не лежал в этот момент. Он увидел, с позволения сказать, ярко выраженный цветок лилии⁵, что тут же продемонстрировало ему, в какой степени он заблуждался в отношении ее благочестивости. Она попыталась вернуть ему все те ласки, которые от него успела получить, но он сделался невосприимчивым к подобного рода отвлекающим маневрам. В один миг к нему вернулось чувство реальности, и он воскликнул:

– Бесчестная, вас следовало бы повесить, и, клянусь, если мне не отдадут должное, я собственными руками убью вас!

Потом он быстро вскочил, нашел кюре и высказал ему все, что в тот момент подсказала ему его ярость. Однако, видя, что это ни к чему не может привести, он спросил, каким лекарством тот собирается лечить то зло, которое сотворил.

Бедный кюре поначалу даже отказался поверить в то, что

⁵ В те времена так клеймили воровок и проституток.

сообщил ему мой отец, но потом, поняв, что это правда, бросился ему в ноги и стал просить прощения, поднимая глаза к небу и понося нечестность девушки, воспользовавшейся его доверчивостью.

Однако мой отец продолжал возмущаться, грозя своими криками собрать всю округу, и тогда священник, который раньше был адвокатом, сказал ему, что совершенное зло велико, но нет такого зла, против которого не существовало бы лекарства. Он сказал, что брак этот недействителен, так как имя жены подложно, что нужно как можно быстрее дать делу ход и что успех гарантирован.

Как во время кораблекрушения нужно привязываться ко всему, с помощью чего можно спастись, так и тут мой отец доверился тому, что сказал этот посланник неба. Он побежал во дворец и нашел там трех самых ловких адвокатов, и те подтвердили ему вышесказанное. Однако они отметили, что неплохо было бы иметь каких-то свидетелей, если молодая женщина заартачится, но это было сложно для моего отца, так как ему было стыдно обращаться к кому-либо с подобного рода просьбой.

Короче говоря, он прождал несколько дней до тех пор, пока не обнаружил, что некое лицо предпринимает усилия, чтобы ей помочь, и лишь это заставило его сделать то, чего в обычных обстоятельствах он не сделал бы никогда.

К несчастью для себя, он обнаружил, что она не брала чужого имени, что ее действительно звали Мадлен де Комон,

как и было написано в брачном свидетельстве. Она взяла себе имена своих отца и матери, и единственное, что она придумала, это то, что отца она представила как шевалье и владельца многих имений, а мать – благородной и могущественной дамой, в то время как на самом деле он был простым мельником, а она – мельничихой. Так как дело было весьма деликатным, ему посоветовали дать ей немного денег, чтобы быть уверенным в том, что все пройдет как надо, но ее сторонник, который, видимо, мечтал навредить моему отцу, с которым они когда-то имели какие-то проблемы, не захотел принимать подобные условия. Тогда моему отцу посоветовали подключить к делу генерального прокурора, который потребовал, чтобы ее осудила Церковь. В результате она публично отреклась, хотя и была с рождения католичкой. Это поставило и ее, и ее сторонника в трудное положение, и она вынуждена была согласиться на сумму в тысячу экю⁶, хотя раньше ей предлагались две тысячи.

* * *

Мои родственники, прекрасно видевшие, что эта женитьба может меня разорить, не стали особо возмущаться. Они подумали, что это сделает моего отца мудрее, однако он, едва выкарабкавшись из одной проблемы, тут же оказался вме-

⁶ Экю равнялось шести ливрам, а один ливр – примерно одному франку.

шанным в другую.

Дело в том, что он снимал жилье у одного богатого торговца в начале улицы Сен-Дени, чтобы быть поближе к дворцу. В том доме жила одна-единственная девушка, которой было примерно лет девятнадцать-двадцать. Она была не очень красива, но весьма неплохо сложена. Моему же отцу она показалась очаровательной, так как она часто утешала его именно в те моменты, когда он в этом особенно остро нуждался. И вот, кое-как разрешив свою предыдущую проблему, он вдруг решил, что самым лучшим для него будет жениться на ней. А она была знающей девушкой, выросшей под крылом своей матери, дамы кокетливой и небедной, и она очень хотела выйти замуж.

Перед женитьбой отец решил все же поговорить об этом со своими родственниками. Господин де Марийак⁷ был одним из самых высокопоставленных среди них, и он был проинформирован первым. Мой отец рассказал ему о красоте девушки, о ее образованности, уме, богатстве и согласии ее родителей. Короче говоря, он попытался пустить пыль в глаза по поводу женитьбы, которая делала мало чести нашему роду.

⁷ Луи де Марийак (1573–1632) – маршал, известный полководец. Был арестован после Дня одураченных (10 ноября 1630 года) и казнен на Гревской площади. Его брат Мишель де Марийак (1563–1632), советник парижского парламента и короля, управляющий финансами и хранитель печати, один из главных противников кардинала де Ришельё, сразу после Дня одураченных был посажен в тюрьму, где оставался до самой смерти.

Господин де Марийак, бывший человеком благородным, заявил, что удивлен скоростью, с которой мой отец принимает подобные решения, что для него не сюрприз, что девушка хочет замуж, так как все девушки хотят иметь мужа. А вот то, что ее родители так быстро согласились, выглядит подозрительным, и что тут надо разобраться, не скрывается ли здесь какой подвох. Если бы кто-то другой, а не господин де Марийак сказал такое, мой отец не обратил бы на это внимания, но, будучи воспитанным в уважении к нему, он счел нужным ответить, что с этой точки зрения нечего бояться и что он за это отвечает. Господин де Марийак с улыбкой возразил, что это его дела, и если он и высказал свое мнение, то лишь потому, что считал себя обязанным сделать это, и не просто из-за родственных связей, но и из соображений дружбы, которая всегда имела место между двумя семьями.

После этого мой отец, невзирая на добрый совет, который ему дали, рассказал все своему двоюродному брату, весьма пожилому человеку. А тот, перед тем как согласиться присутствовать на свадьбе, захотел одеться соответствующим образом, рассказав при этом обо всем своему портному. То есть он сказал, что собирается ехать на свадьбу своего кузена и своего наследника, который собирается жениться на дочери такого-то торговца.

– О, месье, – воскликнул портной, – что же он делает! Неужели нет других девушек во всем Париже?

Это удивило пожилого дворянина и заставило его поинте-

ресоваться, почему последовал такой вопрос.

— Это связано с тем, — ответил ему портной, — что у нее есть ребенок от молодого человека, который жил у ее отца, но я не стал бы говорить так, если бы дело было только в этом и если бы я был уверен, что она стала благоразумной.

— Как же так, — удивился дворянин, — это разве безделица — иметь ребенка, или в Париже это не считается серьезным делом?

— Я этого не говорил, — ответил портной, — но, если девушка просто потеряла добрую репутацию, я никогда не стал бы касаться этой темы, если бы не было опасности, что благородный человек окажется обманутым. Она же не только продолжает жить во грехе, но и доходит до того, что не проходит и дня, чтобы она не появлялась в публичном месте, которое находится прямо напротив ее дома. Она думает, что ее никто не знает, что она может остаться неузнанной, но она и не подозревает, что я не раз делал покупки у ее отца, а посему прекрасно знаю, кто она такая.

Столь искренний рассказ удивил моего родственника. Через час он послал за моим отцом и спросил, что тот теперь думает о женитьбе на этой девушке. Мой отец ответил, что это все злословие и чистой воды ложь. Тогда, видя его столь слепым, родственник сказал, что не пойдет на свадьбу. Более того, он сказал, что лишит его наследства, если тот проигнорирует его предупреждение, но мой отец, отвергнув все эти угрозы, в тот же день принес ему на подпись брачный

договор. После этого наш родственник, взяв документ из рук нотариуса, разорвал его на тысячу мелких кусочков. Но и этим он не удовлетворился, а нашел господина де Марийака, рассказал ему обо всем, что узнал, и попросил использовать весь его авторитет, чтобы помешать этому грязному делу. Господин де Марийак вскочил в карету, нашел моего отца и сказал ему, что прибыл не для того, чтобы просить тут же отказаться от женитьбы, но для того, чтобы прояснить ситуацию: то, что говорят о девушке, это, может быть, и злословие, но все же нужно все тщательно проверить, а для этого нужно лишь сказать, что срочные дела требуют его отъезда на несколько дней, а за это время можно будет узнать всю правду.

Это было слишком разумным, чтобы мой отец мог возражать. Он сделал вид, что отъехал по срочным делам, пообещав вернуться через восемь дней, а сам поселился у портного и стал вести наблюдение.

И уже на следующий день он увидел то, чего совсем не хотел бы видеть, и во всем этом принимала участие его девушка. Он даже сначала не поверил своим глазам, но потом жители квартала подтвердили все то, что рассказывал о ней портной. Убедившись в их правоте, мой отец заплакал, как ребенок, вскочил на коня, никому ничего не сказав, и вернулся к себе, не повидав перед отъездом никого, в том числе и господина де Марийака.

Однако из рук парижан так просто не вырываются, и мой

отец, проигнорировавший все, что ему сказали, и оказавшийся настолько безумным, что подписал все статьи брачного договора, был возвращен назад и предстал перед Церковным судом, который приговорил его к двум тысячам франков штрафа. Он не заплатил этих денег, после чего его вызвали в Парламент, потом он обратился в Совет, но это лишь увеличило его проблемы и сумму долга: вместо двух тысяч, к которым он был приговорен ранее, он теперь должен был заплатить три тысячи франков.

* * *

Хотя мой отец и показал себя человеком неисправимым, многие думали, что произошедшее с ним послужит ему хорошим уроком. Но, желая, как я уже говорил, чтобы у меня появилась мачеха, и притом самая злая из тех, что можно было бы себе представить, он женился на женщине, которая так сильно завладела его рассудком, что меня изгнали из дома вместе с моей кормилицей. Меня отвезли в Оленвиль. Как мне кажется, сделано это было для того, чтобы в этом месте, столь губительном с самого моего рождения, для меня все закончилось бы тем же, чем и для моей бедной матери.

Там я прожил целый год, и при этом моя кормилица ни слова не слышала о моем отце, хотя сама она написала ему немало писем, а ее муж находился в его замке. По истечении этого времени кучер моего отца, проезжая мимо Оленвиля,

сообщил моей кормилице, что у него есть приказ передать ей сетье⁸ зерна, словно этого было достаточно для моего пропитания.

Потом прошел еще один год, когда никто даже не поинтересовался, жив я или уже умер, так все боялись, что в ответ потребуют денег. Ничто не обязывало бедных людей, которые меня приютили, кроме того, что у них самих не было детей, и это стало причиной того, что они рассматривали меня как своего собственного ребенка.

Тем временем моя мачеха не только родила одного мальчика, но уже была готова произвести на свет второго, и это способствовало тому, что моему отцу было совсем легко забыть о моем существовании. Правда, соседи нередко спрашивали его обо мне, и это доставляло ему порой некоторые неудобства, но мачеха каждый раз отвечала, что со мной все хорошо и меня еще не вернули в дом лишь потому, что мое присутствие было бы слишком болезненным, напоминая моему отцу об умершей жене. Только полные дураки могли поверить в эту столь грубо сострепанную сказку, но родственники моей матери, сочувствовавшие мне, жили в восьмидесяти лье⁹ от наших мест, и не нашлось никого, кто взял бы на себя заботу обо мне.

Я еще три года прожил у моей кормилицы, и, как мне казалось, я прожил бы у нее и дольше, если бы господин де

⁸ Мера жидких и сыпучих тел во Франции тех времен (примерно 156 литров).

⁹ Лье сухопутное равнялось двум милям, или 3,3898 км.

Марийак, приехав однажды в Оленвиль, не заметил меня во время мессы и не спросил, не являюсь ли я сыном его кузена. Я предпочел предоставить право ответа моей кормилице, а та подтвердила, что я действительно являюсь сыном графа де Рошфора, но, к сожалению, я его не видел с момента рождения. Это было лишь то, что я сам много раз слышал, когда она говорила в моем присутствии, а я был вполне смышленным ребенком.

В результате господин де Марийак взял меня за руку и отвез меня в свой замок. Там меня переодели так, как следовало быть одетым ребенку моего положения. Некоторое время я прожил у него, а потом он объявил, что должен ехать в Париж, а меня отправил к моему отцу, написав ему, что я уже вступил в тот возраст, который требует большей заботы обо мне.

Моему отцу ничего не оставалось, как принять меня, но я вынужден констатировать, что сделано это было с немалым сожалением, так как он с первого же дня начал относиться ко мне весьма сурово, всем своим видом показывая, что он не испытывает ко мне особой любви. Если бы я решился, я спросил бы его, почему все так происходит, а потом вернулся бы к своей кормилице, от которой я получал совсем другое отношение, но, не осмелившись открыть рот, я забился в угол, как если бы я был не его ребенком. А в это время все вокруг продолжали холить его ребенка от второго брака, который представлялся мне весьма нахальным типом. Нико-

гда еще я не чувствовал себя так плохо, а так как мне уже должно было вот-вот исполниться десять лет и я уже начал многое понимать, я не находил себе места от досады. Тем не менее мне пришлось прожить так полтора года, принимая пищу вместе со слугами и не имея никакого иного утешения, кроме нашего кюре, который был очень хорошим человеком. Я попросил его научить меня читать, так как в доме и речи не шло о том, чтобы нанять мне учителя. Он был так рад этой просьбе и с таким рвением принялся за дело, что уже через три или четыре месяца я мог бегло читать даже самые трудные книги.

При этом не проходило и дня, чтобы моя мачеха не расстраивала меня. Она не удовлетворялась тем злом, которое могла мне причинить сама, а посему требовала и от отца, чтобы он тоже очень плохо относился ко мне. Этого она добивалась ложными доносами на меня, которыми она приводила его в ярость. Мой отец не любил меня и всегда верил ей, поэтому он никогда не вдавался в подлинные причины моего поведения.

Мое отчаяние было столь велико, что я даже стал подумывать о том, чтобы отравиться. В саду мне как-то показали ядовитую траву: я нарвал ее и, помолившись, съел достаточное количество, чтобы умереть. Но произошло явное чудо. У меня не только не начались конвульсии, у меня не было вообще никаких симптомов, которые бывают у отравленных, короче, я даже не почувствовал себя больным. Я рас-

сказал об этом кюре, к которому я ходил на исповедь. Он меня сильно отругал, рассказав о великом грехе, который я пытался совершить. Он потребовал, чтобы я попросил прощения у Господа и пообещал ничего не делать отныне без его разрешения. Злоба моей мачехи только увеличивалась, отец тоже не выказывал в мой адрес никаких добрых чувств, а посему я решил уйти из дома при первой же возможности. Я рассказал об этом кюре, но он стал отговаривать меня, утверждая, что я еще слишком мал. Он сказал, что я должен страдать до тех пор, пока не буду способен носить оружие, а я, посчитав, что ждать еще очень долго, заявил ему, что не могу больше. Понимая, что я не переменю своего решения, он рассказал обо всем моему отцу, но тот сказал, что ничего не имеет против и готов отпустить меня.

Кюре, видя такую его суровость, лишь заплакал, обнимая меня, и попросил еще раз набраться терпения. Видя, что я непреклонен, он достал из кармана два экю и сунул их мне в руку. Он сказал, что у него просто больше нет, но он будет молить Бога, чтобы тот позаботился обо мне. Он сказал, чтобы я никогда не забывал, что родился дворянином, то есть что я должен лучше умереть, чем сделать что-то, что было бы недостойно моего происхождения.

* * *

Я думал сначала пойти к господину де Марийаку, который уже один раз так по-доброму отнесся ко мне, но тут в наши места приехали цыгане, и я спросил их, не смогут ли они взять меня с собой. Они ответили, что не возражают при условии, если я буду способен следовать за ними.

Этого оказалось достаточно, чтобы я принял окончательное решение. Я в тот же день ушел из дома, ни с кем не попрощавшись, но очень скоро увидел, насколько молодость неспособна воспринимать преподанные ей уроки. Уйдя с цыганами, я начал таскать кур, как это делали они, не задумываясь, что я еще нахожусь на землях, принадлежащих моим родственникам. Так и дальше, я всегда шел своей дорогой, никогда не думая о том, что я делаю. А пока же каждый из нас со своей добычей направлялся к главарю, а тот,

заметив, что однажды я притащил не менее шести кур, налил мне стакан вина, сказав всем остальным, что это весьма неплохо для начала и что из меня может получиться очень хороший мальчик. Почти пять лет я жил подобной жизнью, обойдя не только всю Францию, но и немало иностранных государств, в каждом из которых с нами случались какие-то небольшие неприятности, что означало, что кого-то из нас могли в любой момент повесить, а посему мы приняли решение вернуться в нашу родную страну. Мы вернулись во Францию через Бургундию, идя по дороге на Дижон, потом мы оказались в Лионуа, потом в Дофинэ, потом в Лангедоке и, наконец, в графстве де Фуа. Нам показалось, что эти места окажутся для нас благоприятными, так как они были окружены горами, что представляло для нас прекрасный путь к отступлению в случае, если местным жителям не понравятся наши кражи.

К сожалению, мы очень плохо знали местность, а местные жители знали ее гораздо лучше нас. Ночью они нас подчистую ограбили. Это произошло из-за того, что некоторые из нас подумали, что тут можно легко поживиться курами, но это оказалась засада, и это совершенно расстроило нашу группу. Никому из нас не удалось сохранить хоть что-либо, а местные отобрали не только своих кур, но и все остальное, и нам в результате пришлось спать на голой земле, не поужинав.

Такая жизнь, которая мне очень нравилась поначалу, так как я мало что понимал, через некоторое время стала привлекать меня все меньше и меньше. По мере того как я становился умнее, я начал вспоминать о том, кем я родился и к чему меня обязывало мое происхождение. Частенько я пла-

кал, когда этого никто не видел. Мне так нужен был добрый совет, и я все время вспоминал о том, что мне сказал наш замечательный кюре, прощаясь со мной, а еще я постоянно стал задавать себе вопрос, является ли такая жизнь жизнью настоящего дворянина.

* * *

Эта мысль произвела на меня такое впечатление, что я решил бежать. Воспользовавшись удобным моментом, я ушел в горы Капси и спустился в долину Руссильон. По ходу я увидел справа от себя самую высокую гору Пиренеев. Она называлась Канигур, и на ее вершине было озеро, в котором водилось много рыбы. Но самое необычное заключалось в том, что, как говорили, стоило бросить в него камень, как тут же дождь начинал лить как из ведра; я спросил у местных жителей, почему так происходит, но они не смогли мне ответить.

Я сумел сохранить те два экю, которые мне дал кюре, и онигодились мне во время этого путешествия. Моей целью было вступить в первую же роту, которая мне попадетсЯ, а так как тогда еще не мерили рост солдат аршином, как это принято сейчас, я надеялся, что мой небольшой рост не помешает мне осуществить мою задумку.

Я был очень смуглым (этому способствовал образ жизни, который я вел до этого), а посему во всех испанских населенных пунктах меня принимали за своего, и хотя мы тогда

вели войну с Испанией, меня не остановили ни в Перпиньяне, ни в Салсе. Наконец я достиг Локата и вступил в роту господина де Сент-Оне, который был там губернатором.

Эта рота вела боевые действия против гарнизона Салса. Быстро освоив каталонский язык, я подумал, что было бы неплохо воспользоваться моим сходством с испанцами, чтобы совершить что-то такое, что позволило бы мне отличиться. Если честно, мне просто стало надоедать быть обыкновенным солдатом. Мне вот-вот должно было исполниться пятнадцать, и амбиции стали ударять мне в голову, порой даже мешая спокойно спать. Я спросил разрешения у господина де Сент-Оне, и он ответил, что не возражает. Когда же я вернулся назад ни с чем, он сказал:

– Малыш, так дело не пойдет. Лучше уж дать надрать себе уши, чем возвращаться вот так. Противника можно увидеть когда захочешь, и не надо для этого просить разрешения, если на самом деле боишься подойти к нему близко.

– Я находился достаточно близко, месье, – ответил я. – Но нас было слишком много, а мне не нужна слава, которую нужно делить с остальными.

– Сколько же вас было? – спросил господин де Сент-Оне.

– Нас было одиннадцать, месье, – сказал я. – Это очень много, но вот если вы позволите мне с моим другом еще раз вернуться туда завтра, у вас не будет повода быть недовольным.

– А не задумал ли ты дезертировать? – вновь спросил он.

– Если бы я хотел это сделать, месье, – ответил я, – я не пришел бы к вам спрашивать на это разрешение. Уже два

раза я ходил до самых укреплений противника, и если бы мне захотелось войти внутрь, никто бы мне не помешал.

Моя храбрость понравилась ему, и он спросил, кто я такой. На это я ему ответил, что если преуспею в своем замысле, то скажу, кто я, а если не преуспею, то для представления подожду какого-нибудь более подходящего случая. Такой ответ понравился ему еще больше, и он сказал, что полюбит меня, как сына, если я не стану затягивать с тем, чтобы доказать ему, что не являюсь простым болтуном.

Таким образом, я получил разрешение завтра выйти из лагеря, который находился на расстоянии двух мушкетных выстрелов от Салса. Я сказал товарищу, пошедшему со мной, чтобы он спрятался в кустах, а сам двинулся дальше. В свое время я успел отметить, что один из офицеров гарнизона устраивал свидания с девушкой, которая приходила к нему в старый заброшенный дом. Там можно было отлично спрятаться, если бы я захотел, но надо было учитывать, что этот офицер каждый раз посылал на разведку в дом одного из своих солдат, а я не хотел упустить свой шанс.

Придя на место, я сделал вид, что стираю свое белье, и краем глаза стал наблюдать за солдатом, вышедшим на разведку, а потом побежавшим назад с докладом. Через некоторое время с одной стороны появилась девушка, а с другой — офицер. В то время пока они занимались любовью, я вынул из-за пояса два пистолета и незаметно пробрался к ним. Я сказал офицеру, что если он не последует за мной, не про-

износя ни слова, я продырявлю ему живот. Он не стал рисковать, проверяя, поступлю я так или нет, а девушку я взял с собой, чтобы она не побежала и не рассказала о том, что случилось с ее любовником.

Мы двинулись по дороге, на которой меня ждал мой товарищ. Увидев такое подкрепление, они совсем потеряли всякую надежду на спасение, а я вдруг почувствовал радость, которую невозможно было описать.

Мы шли почти час, а потом мой товарищ, подумав, что мы уже находимся в полной безопасности, принялся разглядывать девушку. Найдя ее красивой, он решил остановиться, чтобы удовлетворить возникшие у него фантазии. Я спросил, не сошел ли он с ума, но он лишь засмеялся в ответ и сказал, что своего решения не отменит. Я был взбешен и пригрозил, что убью его. Он сказал, что я могу попробовать, и показал мне дуло своего пистолета. Это меня не смутило, и я в ответ навел на него свой пистолет, держа другой рукой моего пленника. Желая показать свою решительность, он выстрелил, но, к счастью, не попал и, испугавшись, что я не промахнусь, быстро побежал прочь.

Я не стал преследовать его. Моей задачей теперь было быстрее возвращаться, так как я не сомневался, что он теперь дезертирует и предупредит гарнизон Салса о том, что произошло. Я ускорил шаг и заставил поторопиться тех, кого я сопровождал, что оказалось весьма своевременно. В самом деле, не успел я дойти до ворот города, как появились

три офицера, и они помчались было за мной. Но, видя, что я уже почти у входа, они все же сочли благоразумным не приближаться.

Мое возвращение в Локат было триумфальным. Все, кто видел шестнадцатилетнего ребенка, ведущего двух пленников, выходили мне навстречу, и к дому губернатора подошла уже немалая толпа.

– Вот, месье, – сказал ему я, – как я и говорил, слишком большое количество людей – это не всегда хорошо, а тот человек, который был со мной, оказался даже лишним, но и с ним нас было только двое.

Он переспросил, что я хочу этим сказать, и я рассказал ему все, что произошло. Узнав подробности, он похвалил меня, причем гораздо сильнее, чем того заслуживал мой поступок, вручив мне знамя Пикардийского полка, который был поставлен под его командование, а также чин, который оказался на тот момент вакантным. А еще он сказал, что позаботится о моей карьере. Еще большую славу мне принесло то, что мой пленник оказался королевским лейтенантом из Салса. Господин де Сент-Оне доложил об этом наверх, рассказав все в деталях, после чего кардинал де Ришельё написал ему, чтобы он тут же отправил меня в Париж и выдал сто пистолей¹⁰ на это путешествие.

Можете себе представить, как я был рад, и я тут же выра-

¹⁰ Один пистоль равнялся десяти ливрам (сто пистолей – это примерно тысяча франков).

зил всю свою признательность господину де Сент-Оне, которого считал своим благодетелем. Перед отъездом он спросил, кто я такой, и я рассказал ему свою историю настолько искренне, насколько это представилось возможным.

— Я уверен, — сказал мне он, — что вы благородный человек. Доблесть уважаема во всем мире, но она всегда гораздо больше свойственна людям благородного происхождения, чем кому-то другому. Поезжайте к кардиналу. Этот человек может очень многое, он любит храбрых людей и делает все возможное, чтобы привлечь их на свою службу.

* * *

Я отправился в путь из Локата, будучи очень довольным. А перед этим я купил две лошади — одну для себя, другую для слуги, которого нанял. Я был еще очень молод, а в юношеских головах всегда так много тщеславия. Именно поэтому я вдруг решил показаться в своем новом состоянии у себя на родине, при этом даже не подумав о том, что это может занять много времени.

Я свернул с большой дороги в Бриаре и к вечеру уже находился в доме кюре. Он был весьма удивлен, увидев меня, и одновременно очень рад этому. Рассказав ему о том, что со мной приключилось и куда я направляюсь, я поблагодарил его за все то, что он для меня сделал, вручил ему десять пистолей и заверил, что в случае, если мне удастся сколотить

состояние, он получит от него свою долю. Он в свою очередь рассказал мне, что моя семья сильно разрослась, что у моего отца теперь семеро детей, однако дела его идут неважно и Бог послал ему массу неприятностей в наказание за то, как он в свое время обошелся со мной.

Кроме того, он рассказал мне удивительную историю, которую я попробую сейчас пересказать. Дело в том, что у нас был один родственник, которого звали Куртиль. Это был хороший человек, связанный с лучшими домами Прованса. Впрочем, он не относился к ним напрямую, но делал все, чтобы придать смысл своему появлению на свет и стать одним из самых благополучных людей Франции. Ему очень хотелось разбогатеть, а посему он часто бывал в Париже, где это проще было сделать. Там было много женщин, у которых можно было найти поддержку, а еще можно было преуспеть в игре. Он был удивительно хорош собой и быстро стал появляться в самых лучших обществах. В Париже он влюбился в одну пожилую вдову, обладавшую немалым состоянием, и стал добиваться брака с ней. Но эта дама и слушать его не хотела, так как приняла решение посвятить себя служению Господу.

Короче говоря, она попросила его не докучать ей понапрасну. Но это не остудило его, и, несмотря на то что она попросила его не приходить больше в ее дом, не было и дня, чтобы они не виделись либо в церкви, либо у кого-то из ее знакомых. Чтобы избавить себя от этой навязчивости, она

укрылась в монастыре, но Куртиль пригрозил, что подожжет его, и дама вышла оттуда, опасаясь, что он так и сделает. После этого он стал грозить, что похитит ее, а она, чтобы спастись, тайно уехала в деревню, да так, что никто не знал, где она, кроме одной ее самой лучшей подруги. Она уехала туда одна.

Когда она не появилась день, другой и третий и о ней не было никаких известий, ее родственники подумали, что наш родственник похитил ее. Усугублялось дело тем, что он действительно во многих местах говорил, что хотел бы сделать это. После этого ее родственники обратились в органы правосудия, а там стали расспрашивать свидетелей и завели дело против него. Он же был совершенно уверен в своей невиновности и в том, что ему нечего бояться. К тому же он либо был очень занят какими-то другими делами, либо просто не посчитал нужным доказывать свою невиновность, а посему взял да уехал к моему отцу, а потом к другому своему родственнику, будучи уверенным, что все знают, где он.

А как раз в это время мой отец получил за одно дело двадцать тысяч экю. Мошенники как-то прознали об этом, нашли где-то плащи стражников и под предлогом поиска Куртиля явились к нему в дом, приставили ему пистолет к горлу и потребовали деньги. Мой отец не хотел умирать и был вынужден смириться с суровой реальностью. Он сам показал место, куда спрятал деньги, а воры погрузили все на лошадь и уехали по дороге, ведущей в лес, где благополучно скры-

лись.

Эта потеря была огромной для дворянина, у которого не было двадцати тысяч ливров ренты, но зато было так много детей. И я решил, что он и так огорчен, а если я появлюсь, чтобы повидаться с ним, это не будет для него приятным, а лишь еще больше расстроит его. Однако, подумав, что он может рассердиться за то, что я не выполнил свой долг, я все же пришел к нему, но он принял меня ничуть не лучше, чем я предполагал.

Дело в том, что он думал, что я приехал надолго. Кроме того, моя мачеха, желая показать, что не воспринимает меня как полноправного члена своей семьи, приказала даже не давать овса для моих лошадей. Мой слуга рассказал мне об этом, я послал его к кюре, а мой отец, спустившись в конюшню, видел все это, но не остановил его. Я был очень раздосадован, но, решив уехать уже на следующий день, подумал, что лучше будет тоже ничего не говорить, хотя все происшедшее сильно ранило меня.

Очень рано я ушел к себе в комнату, а когда уже приготовился ко сну, мой отец и мачеха вдруг вошли ко мне и спросили, правда ли, как сказал мой слуга, будто бы я направляюсь к господину кардиналу. Я холодно ответил им, что это чистая правда, прекрасно понимая, с чем связан этот вопрос и что за этим может последовать. И точно – мой отец тут же сказал мне, что очень рад, что я так многого добился, а мачеха заявила, что она всегда верила в меня и было бы хоро-

шо, если бы я, сделав карьеру, не забыл и о своих братьях. Подобным же тоном я ответил им, что дело еще не сделано, но, если все закончится так хорошо, как я на то надеюсь, я не забуду то добро, которое было для меня сделано.

После этих моих слов последовали извинения за то, что меня так приняли и не дали овса моим лошадям. Мачеха за-верила меня, что произошедшее – это недоразумение, связанное с тем несчастьем, которое с ними произошло, после которого они приказали ничего не давать чужакам, что меня просто не узнали, приняли за постороннего, но это больше не повторится.

Я сделал вид, что поверил. К тому же уважение к отцу не позволяло мне высказать все, что я думаю по этому поводу. Я сказал, что все это пустяки, что об этом не стоит и говорить. Мой отец после этого стал меня расспрашивать, где я был с тех пор, как покинул дом, и даже сделал мне небольшой выговор, как если бы он не помнил всего того, что происходило до моего ухода из дома.

Задав мне еще массу разных вопросов, они оставили меня, а перед этим я объявил им, что собираюсь уехать завтра. Утром меня ждал завтрак. Они подняли всех слуг, позвали моих родственников, живших по соседству, разослав всем торжественное приглашение, как если бы меня вызывали ко двору. Прибыло десять – двенадцать дворян: одни – пешком, другие – на лошадях. На меня посыпались тысячи комплиментов, как будто бы я уже сделал сумасшедшую карьеру.

Чтобы избавить себя от этого, я сказал отцу, что не могу терять время и должен отправляться, что господин кардинал любит пунктуальность и ему не понравится, если я опоздаю.

* * *

То, что я увидел у отца, ждало меня и при дворе. Когда я приехал, когда узнали, что я тот самый малыш из Локата, каждый поспешил сделать мне комплимент. Я был удивлен, что все эти люди, с которыми я никогда даже не был знаком, вдруг стали добиваться моей дружбы. Капитан гвардейцев кардинала, к которому я обратился, объявил, что я нахожусь в приемной, мне приказали войти, и все тут же увидели, что у меня нет ни волосинки на подбородке и что ростом я маловат.

— Это же совсем ребенок, — сказал кардинал, со смехом обращаясь к четырем или пяти сеньорам, находившимся рядом с ним. — Господин де Сент-Оне, видимо, решил посмеяться над нами, рассказывая о том, что он совершил.

— Я не знаю, Монсеньор, — заявил я, сделав реверанс, — что он вам рассказал, но если речь шла о том, что я взял в плен лейтенанта из Салса и его любовницу, то это чистая правда.

— Он рассказал нам совсем другое, — ответил господин кардинал, — он сказал, что ты помешал одному из солдат, сопровождавших тебя, заняться любовью с одной девушкой, что ты даже вступил с ним в схватку и он выстрелил в тебя

из пистолета, но это все не помешало тебе доставить твоих пленников в целости и сохранности.

– Это правда, Монсеньор, – сказал я, – но это все такая мелочь. Вот если бы мне представилась такая возможность, я надеюсь, что смог бы еще многое сделать, служа королю и Вашему Преосвященству.

– Пусть так и будет, – сказал он и повернулся к тем, кто стоял у него за спиной. – Но это же совсем ребенок. Будет неправильно использовать его в таком возрасте, это будет равносильно насилию над природой.

Эти слова испугали меня. Я подумал, что он хочет отказать мне, а посему я осмелился снова заговорить.

– Монсеньор, – воскликнул я, – не сомневайтесь! Ваше Преосвященство может испытать меня, если у вас есть какое-нибудь поручение.

Он мне ничего не ответил, но, обратившись к капитану своих гвардейцев, приказал, чтобы меня покормили и выяснили подробно, кто я такой. После этого он удалился.

Капитан гвардейцев тут же выполнил то, что приказал ему господин кардинал, а потом он доложил ему, что я родом из дворян. После этого меня вновь позвали в его кабинет, и там господин кардинал сказал мне, что он решил взять меня к себе на службу и что я должен быть благоразумным и преданным, чтобы потом ни в чем не раскаиваться. В благодарность я сделал глубокий реверанс, а руки мои как бы сами раскрылись, чтобы начать получать те милости, на которые я рассчитывал. К сожалению, все мои надежды пока смогли вылиться лишь в получение униформы пажа. Я еще не умел хорошо владеть своими эмоциями, а посему мое лицо выразило такое неудовольствие, что это не осталось незамеченным.

– Пусть это тебя не расстраивает, – сказал кардинал мне очень добрым голосом. – Это значит лишь одно – я хочу иметь тебя рядом, но при этом не желаю раньше времени подвергать тебя каким-либо испытаниям.

Эти слова вернули уверенность моему выражению лица, и я вновь сделал глубокий реверанс. Я решил подождать, пока дорасту до того, как с меня придут снимать мерки для униформы, но управляющий пажами мне сказал, чтобы я написал своему отцу, чтобы тот выслал мне четыреста экю на униформу, и что иным образом я не смогу быть соответствующим образом экипирован.

Мое огорчение при заявлении о том, что я должен обращаться к отцу, было очень велико. Чтобы достать денег без него, я решил продать своих лошадей, но это могло мне принести не больше пятидесяти пистолей, что составляло лишь половину требовавшейся суммы. На родственников рассчитывать не приходилось, они жили так далеко, что помощь от них вряд ли пришла бы скоро. Я провел всю ночь без сна, размышляя, как бы мне выкрутиться из сложившейся ситуации. Подумав, я решил обратиться к господину де Марийяку, который показался мне единственным источником денег, который у меня был. Но, задремав уже под утро, я проснулся слишком поздно, а посему я вынужден был перенести обращение к нему на послеобеденное время. Однако, не желая прогуливать службу, я пошел к господину кардиналу, который сразу же спросил, почему я не переодет.

– Это потому, Монсеньор, – ответил я, – что у меня сейчас нет денег, а наш управляющий сказал мне, чтобы я принес четыреста экю, но это скоро будет сделано.

– Какое незаконное взимание податей, – сказал он тем, кто стоял вокруг него.

Потом он повернулся ко мне и продолжил:

– Скажите ему от моего имени, что если он возьмет с вас хоть одно су, его не будет рядом со мной уже через четверть часа. Скажите ему также, что, если все не будет сделано к завтрашнему утру, он может искать себе другого хозяина.

Подобные слова были мне очень приятны и дали мне почувствовать высочайшую поддержку. Я не упустил ни одного из этих слов и постарался сделать максимум возможного, чтобы унижить нашего управляющего. И он вынужден был повиноваться, а я на оставшиеся у меня еще десять или двенадцать пистолей купил себе кое-какие аксессуары для униформы, но господин кардинал не только вернул мне потом мои деньги, но и наградил тройной суммой.

* * *

Стать пажом – это, оказалось, немалая милость со стороны Его Преосвященства. Я всегда находился позади его кресла, готовый выполнить все, что он мне прикажет. За столом я подавал ему напитки, хотя многие другие тоже хотели бы это делать, и они даже выражали по этому поводу свое ревнивое недовольство, но он называл по имени только меня, хотя ему представляли и других. Когда он посещал мадам д'Эгийон¹¹, лишь я сопровождал его, и мне позволялось находиться в передней, куда другим вход был запрещен, а еще лишь меня он посылал за теми, с кем ему нужно было поговорить, и они поднимались к нему по узкой лестнице так,

¹¹ Мадам д'Эгийон – Мари-Мадлен де Виньеро, герцогиня д'Эгийон (1604–1675), племянница кардинала де Ришельё, дочь его сестры Франсуазы дю Плесси.

что никто не мог их заметить.

Говорили, что он любил эту даму, которая приходилась ему племянницей. Не скажу, что это не так, ибо она была достаточно красива, чтобы выглядеть привлекательной для любого мужчины. Отмечу лишь, что она вполне доверяла мне, а я был горд тем, что считался ее другом. Более того, должен сказать, что он посещал ее не только для развлечения. Они нередко закрывались с некими людьми, выглядевшими довольно подозрительно. Это были иностранцы или какие-то типы, переодетые в монахов, священнослужителей или торговцев. Я вспоминаю, как после одной из таких встреч он приказал мне отнести очень тяжелую сумку по дороге на Понтуаз. При этом мне было сказано, что при входе в деревню, которая называлась Сануа, я найду спящего капуцина. Я должен был положить сумку рядом с ним и вернуться, не произнося ни слова. Я выполнил все, что мне сказали, точно следуя данным мне инструкциям.

Перед тем как поручить мне такое секретное дело, меня испытали весьма необычным образом. Был такой человек, которого звали Сове, которого уже два или три раза посылали в Испанию, чтобы раскрыть там интриги, которые кое-кто затевал при местном дворе против интересов кардинала. Этот человек был женат на красивой женщине, можно даже сказать, на очень красивой женщине. Получив от господина кардинала задание проверить мою верность, он решил задействовать свою жену, от которой он порой терпел такое, что

можно было сделать вывод, что он совсем не ревнив. Но эта женщина, не знаю уж почему, прониклась ко мне и предупредила о ловушке, в которую попадали почти все, особенно молодые люди. Она сказала мне, что я хорош собой и должен впредь быть очень осторожным. Потом она рассказала своему мужу то, что было выгодно для меня, а тот тут же проинформировал обо всем кардинала, который после этого решил, что мне вполне можно доверять и что меня можно использовать в самых важных делах.

И точно, через несколько дней мне приказали снять униформу пажа и отправиться к лошадиному рынку в дом, на который мне указали. Я должен был подняться на четвертый этаж, и, если я увижу там крест, нарисованный на двери мелом, я должен был тут же спуститься и ждать внизу, пока не придет Сове. Я нашел то, что мне сказали, и спустился вниз. Сове появился через минуту и спросил, как дела. Я ему ответил, что обнаружил то, что было нужно Его Преосвященству, после чего он спросил, не видел ли я двух мужчин, выходящих из дома: одного – одетого священником, а другого – аббатом. Я ответил, что не видел, а он на это сказал, чтобы я был внимательнее, что, если это произойдет, я должен идти за ними, в противном же случае я должен оставаться на своем посту до того момента, как он вернется. Прошло полтора часа, и он вернулся, но не один, а в неплохой компании – с ним был отряд гвардейцев, часть которых окружила дом, а часть поднялась наверх. В комнате обнаружили

двух мужчин, о которых мне говорили, их тут же схватили и отконвоировали в Бастилию. Но лишь один из них остался там, другому же позволили уйти, и на следующий день я доставил ему десять тысяч экю золотом, что, похоже, было наградой за то, что он продал своего товарища. Видя, что меня используют в столь секретных делах, я не мечтал ни о чем другом, кроме как стать старше на год или на два. Я был уверен, что у меня будет другая область деятельности, когда перестану быть пажом, и я хотел бы, чтобы это была война, к которой испытывал особую склонность. При этом во мне сохранялось желание сделать что-нибудь для моих братьев, которые в этом нуждались. Просто, чтобы дать им понять, что я не забыл о них, я написал сначала одному, потом – другому, прося их сообщить мне, если вдруг предоставится какой-то подходящий вариант. Но они мне ответили, что знают, что скоро я буду иметь немалое влияние в обществе, а посему ждут предложений от меня.

Такая постановка вопроса привела меня в ярость, и когда господин кардинал через несколько дней оказался столь добр, что осведомился о моей семье, я рассказал ему все, в том числе и о проблемах, которые у меня были в детстве. Ему понравилась моя искренность, а я, видя, что он действительно беспокоится обо мне, рассказал ему еще и об обязательствах, которые у меня имелись перед нашим кюре, впрочем представив их даже несколько большими, чем это обстояло на самом деле. Он сказал, что ему нравятся благодарные лю-

ди, но одновременно, так как я рассказал ему и о господине де Марийаке, он спросил, знают ли они, чем я теперь занимаюсь. Я ответил, что не знают, но что я мечтаю поехать повидать их при первой же возможности, на что он мне сказал, чтобы я этого не делал, если хочу сохранить привязанность, которую он ко мне испытывает. После этого я не решился что-либо говорить, но он все же заметил, что я выгляжу очень удивленным.

— По крайней мере, — пояснил он, — не стоит рассказывать им об этом. Если же это однажды случится, тебе не на что больше будет рассчитывать рядом со мной.

Я ответил, что мне достаточно лишь узнать о том, что он желает, и у меня тут же не станет ни родственников, ни друзей, если речь будет идти о служении ему.

Казалось, он был удовлетворен моим ответом, а посему меня продолжили использовать, как и раньше. В частности, он отправил меня по дороге на Сен-Дени с сумкой, полной золота, с приказом оставить ее под большим камнем, который я найду неподалеку от Монфокона. У меня также был приказ тут же вернуться, так что я даже не знал, для кого это было предназначено и кто должен был забрать сумку. Через несколько дней я отнес еще одну сумку к собору Нотр-Дам для одного человека, который, как мне сказали, должен был сидеть, уткнувшись подбородком в ладонь, а другой человек должен был стоять у него за спиной, точно один из персонажей Мольера, алчный до денег. Я так все и сделал, но мне не

было позволено увидеть лицо того, для кого все это предназначалось. Мне кажется, что в этом было больше таинственности, чем серьезной необходимости, и что все было задумано либо для того, чтобы еще раз проверить мою верность, либо чтобы секретное ведомство кардинала пользовалось еще большим уважением. Как бы то ни было, я два года провел, исполняя подобного рода поручения, и в течение этого времени при дворе имело место немало интриг, имевших целью смещение кардинала, но все они закончились безрезультатно.

* * *

В свое время я написал нашему кюре, чтобы он предупредил меня, если возникнет необходимость чего-нибудь для него попросить. И вот теперь он отправил ко мне одного человека, чтобы сообщить, что стало вакантно одно небольшое аббатство, способное приносить четыре тысячи франков ренты. Я тут же обратился к господину кардиналу, и он сказал мне, что дело это верное, но сначала он хотел бы узнать, за кого я прошу.

– За нашего кюре, Монсеньор, – ответил ему я, – за человека, который научил меня читать и к которому я испытываю лишь чувство глубокой благодарности.

– Но почему, – спросил он, – ты не просишь за кого-то из своих братьев? Ты, как мне кажется, говорил, что у тебя их

много и они все нуждаются в средствах.

— Это правда, Монсеньор, — сказал я, — но таким уж меня создал Бог: для меня благодарность всегда идет впереди родственных связей. И Вашему Преосвященству судить, хорош ли я с такими убеждениями на службе.

— Посмотрим, — засмеялся он, — и, возможно, я подвергну тебя серьезному испытанию гораздо раньше, чем ты думаешь.

Я уже готовился ему ответить, как вдруг вошел принц де Конде, и я бросился пододвигать ему кресло. Выйдя ему навстречу, господин кардинал вдруг заметил господина де Шаро, того самого, который потом стал капитаном телохранителей, губернатором Кале, герцогом и пэром. Он его тогда терпеть не мог, а посему, едва увидев его, приказал мне срочно найти капитана его гвардии. Найдя его, я вместе с ним вернулся в комнату, где мне было сказано, чтобы я отделался от посетителя, чего бы это ни стоило. Капитан гвардии спросил, не стоит ли вообще выгнать Шаро из прихожей.

— Я вам ничего подобного не говорил, — последовал ответ, — просто не позволяйте ему больше входить.

Это приказание вмиг распространилось по дому, и каждый начал поворачиваться спиной к несчастному, как будто он был прокаженным. Но господин де Шаро проявил упорство и еще почти три часа ждал в прихожей. Господин кардинал, которому нужно было выйти, отправил меня посмотреть, там ли он еще. Я доложил, что он еще ждет, и госпо-

дин кардинал предпочел задержаться, лишь бы не попадаться ему на глаза.

На другой день Шаро снова пришел, но гвардейцы не пропустили его. Он потребовал вызвать их капитана, но тот сказал, что кардинала нет на месте. Так продолжалось два дня, но он так и не смог увидаться с кардиналом, а на третий, зная, что кардинал поедет на мессу, он расположился на пути его следования. Гвардейцы оттеснили его, но он запрыгнул в нишу в стене, предназначавшуюся для установки мраморной фигуры. Когда господин кардинал приблизился, он крикнул:

– Монсеньор, ваши гвардейцы не пропускают меня, но, когда меня не пускают в дверь, я всегда пролезаю через окно.

Господин кардинал не смог удержаться от смеха, увидев его в нише, а после этого не только отменил свое решение, но и даже сделал для него немало хорошего. Шаро, добившись своего, стал появляться все чаще, при этом ни о чем не прося, хотя ему явно многое было нужно. Это понравилось кардиналу, который ценил людей, не имевших корыстных побуждений, и любивший награждать без принуждения. И тут представился благоприятный случай, когда Шаро показалось, что он может обратиться к Его Преосвященству. Выждав, когда у кардинала будет особенно хорошее настроение, он сказал:

– Если позволите, Монсеньор, я бы попросил вас разрешить мне заработать двести тысяч экю, что не будет стоить ни су ни королю, ни вам.

– Каким же образом, Шаро? – спросил господин кардинал, улыбаясь.

– Женившись, Монсеньор. Я нашел великолепную партию, и если Ваше Преосвященство скажет хоть слово в поддержку моего желания, дело можно будет считать сделанным.

– Если речь идет только об этом, – сказал кардинал, – ты можешь на это рассчитывать.

Беседа с кардиналом

Шаро бросился на колени, стал благодарить кардинала и говорить о том, что единственное, о чем он желал бы, так это

о том, чтобы он послал просить для него руки мадемуазель Лекалопье, так как ее родственники не смогут отказать человеку, управляющему всей страной. Так Шаро женился на женщине столь богатой, что это позволило ему купить очень высокую должность, а кардинал, который всегда ставил возле короля лишь лично преданных себе людей, назначил его капитаном его телохранителей.

* * *

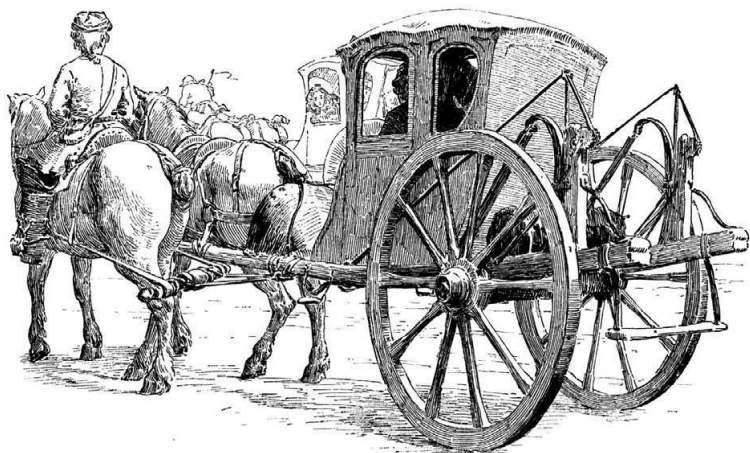
Тем временем, как я уже говорил выше, освободилось одно небольшое аббатство, и я отправил все необходимые документы на него нашему кюре, что произвело двоякий эффект. Кюре от этого чуть не умер от радости, а мой отец с мачехой – от зависти. Они все приехали в Париж: кюре для того, чтобы поблагодарить меня, а отец с мачехой – чтобы высказать мне тысячи упреков. Они заявили, что мне должно быть стыдно помогать посторонним в то время, когда мои собственные братья так нуждаются в помощи. Выпустив так весь свой пар, они заговорили в иной манере, то есть стали просить у меня о новом аббатстве. Я им сказал, что вовсе не по моей вине они его не получили, что при дворе не всегда удобно о чем-то просить, что быть навязчивым – это верное средство вообще ничего не получить. А еще я сказал, что, если господин кардинал решил что-то сделать для простого пажа, это значит, что я смогу получить еще больше мило-

стей, но лишь после того, как окажу ему еще какие-то услуги. Слегка умиротворив их подобными перспективами, я напомнил им, что у меня имеется еще много родственников, которые тоже надеются, как и наш кюре, на милости при моем содействии. Они происходили из Берри, и многих из них я даже никогда не видел. Они начали со своей генеалогии, сказав мне, что являются моими родственниками в третьем поколении и что они надеются поэтому на мою помощь. Я ответил, что очень хотел бы, но у меня пока нет такой возможности. Это было понятно, так как я ничего пока не сделал даже для своих братьев, которые были моими прямыми родственниками и шли перед теми, кто находился в третьем поколении. А ведь еще были те, кто находился во втором, и они тоже были в более привилегированном положении. Я сказал, что помогу всем, как только у меня появится такая возможность. Они поняли, что это значит, и оставили меня в покое.

* * *

И вот время, о котором я так мечтал, пришло. Я перестал быть пажом. Господин кардинал дал мне двести пистолей, чтобы я мог переодеться, и я стал думать, что через какое-то время от меня что-то потребуется. Пока же нельзя было сказать, чтобы я ничего не делал: я, например, отвез в Англию и Шотландию зашифрованные письма, и там я был задержан

сторонниками короля Англии. Меня обыскали, но ничего не нашли, так как я спрятал письма в седле почтовой лошади. Они перерыли все, но так и не обнаружили тайника. Тогда они спросили, откуда я прибыл, куда направляюсь, задали еще тысячу разных вопросов. Я отвечал, как и было договорено, что я – молодой дворянин, который решил попутешествовать. Это вызвало у них подозрения, так как они нашли, что взятая мною карета не соответствует уровню человека, которым я хочу казаться.

Это стало причиной моего задержания на четыре-пять дней, что доставило мне немало беспокойства. Мне было поручено весьма деликатное дело, и я не мог позволить себе

быть раскрытым. Единственное, что меня ободряло, так это то, что мои письма были похожи на черную магию, то есть один дьявол мог бы расшифровать их содержание.

В них не было привычного алфавита, и один знак мог обозначать двадцать различных слов. Весь секрет заключался в ключе, без которого ничего невозможно было разобрать. Чтобы было понятно, скажу, что каждый знак соответствовал слову в той или иной строке из «Исповеди» святого Августина, а чтобы узнать какому, номер страницы ставился под стрелкой слева, а справа под стрелкой ставился порядковый номер строки и порядковый номер слова в строке. Например, если речь шла о слове «имею», которое шло на десятой странице «Исповеди» святого Августина, в десятой строке, пятым по счету в строке, фигура выглядела так:

10 105

Понятно, что нужно было бы быть волшебником, чтобы догадаться, о чем идет речь. Однако я не переставал дрожать от страха. На мое счастье, они не только ничего не нашли, но еще и поверили в мою молодость, подумав, что столь юное создание не может быть в чем-то замешано, а посему меня отпустили, и я смог передать депеши по назначению, а также взять с собой ответные послания.

Мне неплохо заплатили за эту поездку: я получил ассигнацию на две тысячи экю, с которой банковский чиновник, взяв себе свой процент, выдал мне деньги наличными. За это он был выгнан со службы, когда я рассказал об этом господину кардиналу.

Не знаю, то ли моя поездка произвела такой эффект, то ли еще что, но три королевства, о которых шла речь, вдруг зашевелились, начались неясности и беспорядки, и король Англии стал демонстрировать свою недобрую волю по отношению к нам. Все это подтвердило то, что произошло со

мною через три месяца после моего возвращения. Однажды утром господин кардинал сказал мне, чтобы я отправился в пригород Сен-Марсо, а там нашел некий фонтан с фигурой женщины без головы, поднялся на второй этаж дома и сказал человеку, лежащему в кровати с желтыми занавесками, чтобы он был у мадам д'Эгийон в одиннадцать вечера. Я сделал то, что мне сказали, но, так как мне было позволено посмотреть на этого человека, я тут же вспомнил, что видел его в Шотландии, и мне показалось, что он меня тоже узнал. Я заметил, что он пристально на меня смотрит, как человек, который пытается что-то вспомнить. Но мы ничего не сказали друг другу, он лишь заверил меня, что обязательно будет там, где была назначена встреча.

Когда пришло время, я получил приказ идти ждать у двери, чтобы встретить его и провести в кабинет. Он явился переодетым, и я его даже не узнал. Он же меня узнал, и я отвел его к господину кардиналу, с которым он находился до четырех часов ночи. Люди господина кардинала получили приказ удалиться, что дало еще один повод к злословию по поводу его отношений с племянницей, так как каждый думал, что они уединяются исключительно для того, чтобы переспать. Если добавить к этому то, что у него был ключ, позволявший ему приходить и уходить, когда ему вздумается, все это делало слуг этой дамы первыми источниками злословия. Все, что я говорю сейчас, вовсе не означает, что между ними вообще ничего не было, я лишь хочу лишний раз подчеркнуть,

что он уединялся с ней не только для того, чтобы заняться любовью.

Когда совещание закончилось, мой человек вышел из кабинета через дверь, за которой я находился по приказу Его Преосвященства. Мне было приказано дать ему мой плащ, а еще мне было приказано сопровождать его до второго перекрестка.

Через два дня мне было поручено еще одно дело. Я должен был найти господина де Буйона, суперинтенданта финансов, и сказать ему, чтобы он передал мне сверток, который я должен был отнести на улицу Юшетт, к человеку, о котором я рассказывал. Я получил сверток, но он оказался настолько тяжелым, что нужна была тачка, чтобы его доставить по назначению. Господин де Буйон, понимавший это, приготовил одну. Одновременно он вручил мне опись, включающую содержимое свертка, подчеркнув, что это нужно передать лично получателю. Прибыв на улицу Юшетт, я нашел нужного человека, передал ему опись и сказал, что сверток находится у двери. Он посмотрел опись и вернул ее мне, заявив, что я ошибся и это не для него, а для кого-то другого. Я ответил, что не мог ошибиться, что я его знаю и что мой приказ касается именно его. В ответ человек обеспокоенно заходил по комнате.

– Это не для меня, – сказал мне он еще раз, – и вы должны уйти.

Я еще раз повторил все, что должен был сделать, но мне

не удалось переубедить его, и я вынужден был вернуть сверток господину де Буйону. После этого я доложил господину кардиналу обо всем, что со мной произошло. Он спросил меня, осталась ли у меня опись. Я ответил, что осталась. Он посмотрел в нее и разразился гневом против господина де Буйона, сказав, что научит его точно выполнять то, что ему было приказано. Он послал за ним и спросил, почему тот отправил лишь пятьсот тысяч франков вместо шестисот тысяч франков, которые должны были быть посланы. Господин де Буйон ответил, что он подумал, что получатель удовлетворится и такой суммой, а он должен экономить, но, если тот не удовлетворился, он готов отправить то, что не доложил. Насколько я понял из всего, что было сказано (а я присутствовал при их разговоре), господин де Буйон хотел просто прикарманить сто тысяч франков, хотя он и пытался представить дело так, будто печется об одной лишь экономии. В ожидании того, пока сто тысяч будут приготовлены, Его Преосвященство послал меня найти того человека, чтобы сообщить ему, что произошла ошибка, причем ошибка по вине господина де Буйона, что я должен был особо подчеркнуть, как непосредственный свидетель.

Король Генрих IV

Я нашел его за сбором вещей, и мне показалось, что он был удивлен, увидев меня. Он двинулся мне навстречу и спросил, что мне нужно. Я все объяснил ему.

— Нужно, чтобы все было по совести, — сказал он раздраженно, — и я не понимаю, почему всего два дня назад меня уверяли в одном, а теперь происходит что-то совсем иное.

Я тут же пошел к господину де Буйону, чтобы взять шестьсот тысяч франков, передал их получателю, а потом вернулся к Его Преосвященству, который с нетерпением ждал моего возвращения, обеспокоенный тем, что произошло.

Конечно, подобного рода дела были вовсе не тем, о чем я мечтал, ведь мне больше нравилась война, однако утешало меня то, что я пользовался дружеским расположением своего хозяина. Он еще раз спросил меня, виделся ли я с господином де Марийаком, брат которого не только сделался маршалом Франции, но и женился на родственнице королевы-матери, у которой он оказался теперь в большом фаворе. Я ответил, что прекрасно помню о том, что мне было запрещено это делать, а посему я этого и не делал. А еще я повторил, что для меня не существует родственников, когда речь идет о службе Его Преосвященству, и я очень сожалею, что мне никак не представится возможность доказать это. Он уверил меня, что доволен мной, и сказано это было таким тоном, что я понял, что он действительно доволен.

Очень скоро он получит возможность убедиться в моей преданности, но, чтобы понять все нюансы произошедшего, нелишним будет сейчас рассказать о том, что всему этому предшествовало.

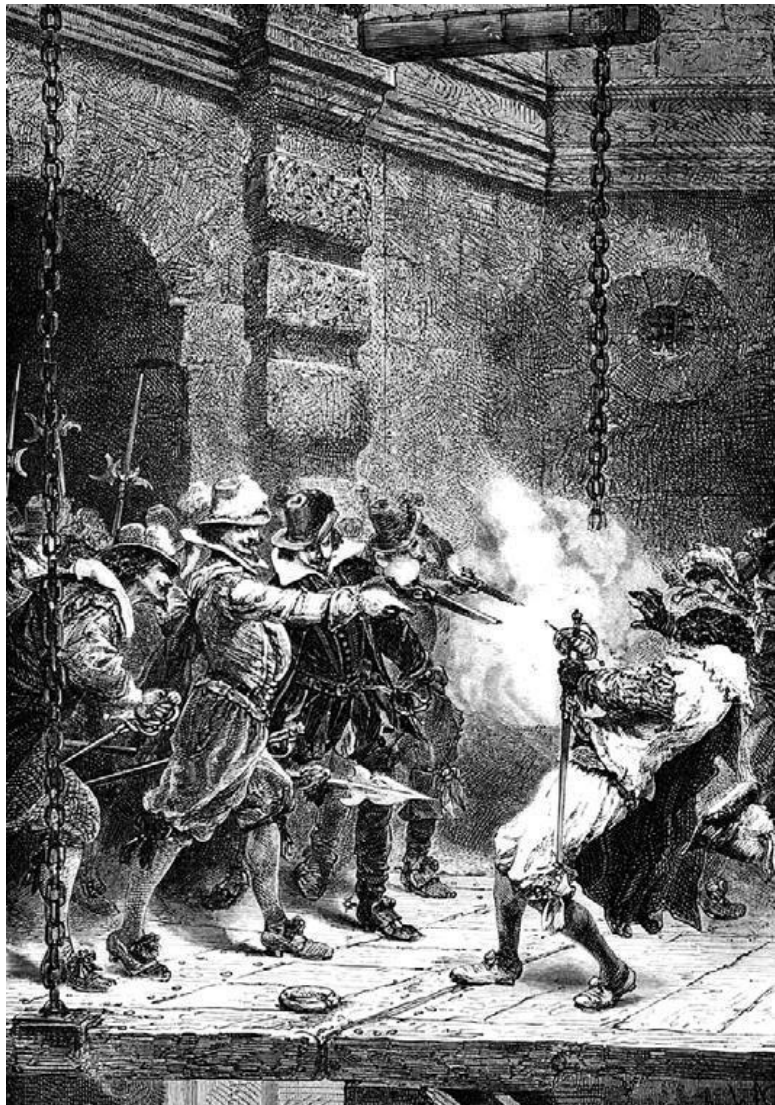
Король был удивительно хорошим правителем. Он получил корону, будучи еще совсем юным, но вынужден был отдать руководство страной королеве-матери, женщине очень больших амбиций, но мало любимой французами не только потому, что она была итальянкой (а итальянцев, надо сказать, французы никогда не любили), но еще и потому, что она тут же выдвинула вперед своего фаворита, который тоже был ее соотечественником, к тому же низкого происхождения и без особых заслуг¹². Его многие боялись, и вскоре он стал представлять угрозу даже для принцев крови, а его жена, которая была еще более невыносима, стала столь влиятельной, благодаря милостям королевы, которую она полностью себе подчинила, что все ее просто возненавидели. Чтобы противостоять такому количеству врагов, королева-мать вынуждена была приблизить к себе некоторых людей, в том числе братьев де Марийаков. Оба они были весьма благо-

¹² Речь идет о Кончино Кончини (1575–1617), сыне флорентийского нотариуса, ставшего фаворитом Марии Медичи и самым влиятельным человеком во Франции.

родными людьми, достойными самых великих дел. Однако, несмотря на все предпринятые меры предосторожности, количество недовольных было так велико, что она не смогла уберечь своего фаворита. Герцог де Люинь, наделенный не меньшими амбициями, нашептал королю, что его мать ненавидима народом именно потому, что отдала страну в руки иностранца. Возможно, он взвалил на нее и вину за смерть короля-отца. Как бы то ни было, король отдал ему приказ найти кого-нибудь, кто убил бы этого проклятого фаворита, что и было сделано капитаном телохранителей де Витри.

Кончино Кончини

Убийство Кончино Кончини

Герцог де Люинь после этого попытался сосредоточить всю власть в стране в своих руках, но его плечи оказались слишком слабыми для такой ноши, а партия королевы-матери, сформировавшаяся из завидовавших новому первому министру, стала усиливаться день ото дня. Те, кто были теснее всего связаны с ней, были вызваны ко двору, а так как господа де Марийаки были одними из самых преданных, они и получили наибольшие знаки отличия. Один из них даже стал претендовать на то, чтобы стать первым министром. Но при этом королева-мать призвала к себе на службу и епископа Люсонского, который позже станет известен под именем кардинала де Ришельё, и он вдруг засверкал так, что блеск де Марийака тут же поблек на его фоне.

Герцог де Люинь

Чем больше были амбиции Марийака, тем труднее ему было терпеть Ришельё, запросы которого оказались не меньшими, чем его собственные. Амбиции умножались на зависть, и все это давало в итоге такую страшную ненависть, что они просто не могли переносить друг друга. Смерть герцога де Люиня, открывшая двери к руководству кабинетом министров, еще больше усилила эту взаимную ненависть, но Ришельё очень скоро взял верх над всеми, включая саму королеву-мать.

Маршал Луи де Марийак

Де Марийак и его брат организовали против него массу интриг, и, если бы гений этого человека оказался чуть меньшим, ему не удалось бы избежать падения. Но он все выдержал, а так как он никого так просто не прощал и хотел еще больше упрочить свою власть, он решил снести головы тех, кого больше всего боялся, а посему он не удовлетворился тем, что вынудил королеву-мать бежать из Франции, но решил еще и уничтожить де Марийаков.

* * *

Вот почему он так часто спрашивал меня, не встречался ли я с ними. На самом деле он решил испытать мою преданность или, что более вероятно, ему захотелось избавиться от маршала, который был человеком безупречным, а посему он однажды сказал мне:

– Вы убеждали меня, что для вас не существует родственников, когда речь идет о служении мне. Вот теперь я и решил вас проверить. Вот приказ, – продолжил он, подавая мне пакет, – об аресте маршала де Марийака, и я хочу, чтобы вы знали, о чем идет речь. Отнесите его ему и помните о том доверии, которое вам оказано. Я заслуживаю того, чтобы вы сохранили мне верность. Уверяю вас, эти слова потрясли меня. Взяв пакет, я сказал:

– Монсеньор, если Ваше Преосвященство хочет удостовериться в моей преданности и в моем умении хранить секреты, я сделаю то, что должен сделать.

Я не отказался подчиниться, но все же попросил принять во внимание, что, если он поручит это дело, направленное против одного из моих близких, кому-то другому, я не стану от этого менее преданным ему.

– Идите, я вам говорю, – ответил мне господин кардинал, – и остерегайтесь, если я вынужден буду сделать то, о чем вы говорите.

Мне пришлось повиноваться. При этом, признаюсь, я никогда не садился в седло с таким чувством сожаления. Мне так хотелось предупредить того, кто был в Париже, о беде, угрожавшей его брату. Но все же чувство долга восторжествовало над родственными обязательствами. Я даже проявил проворство и вручил мой пакет на шесть часов раньше, чем могли подумать.

Арест этого маршала наделал много шума. Все обвиняли господина кардинала в излишней жестокости, а посему он вынужден был приостановить суд, который был расположен сделать все, что тот захочет. Что касается меня, то я, после того как продемонстрировал ему всю силу своей преданности, подумал, что мне позволят ходатайствовать за маршала, тем более что моя просьба показала бы ему в большей степени мою честность, чем желание противопоставить хоть что-нибудь столь могущественному обвинителю. Но я не от-

крыл ему всех своих чувств, которые, как у великих людей, так и у всех прочих, лишь являются результатом слабости. В ярости, он сказал мне, что удивлен, что один из его слуг выступает против него, и его негодующий взгляд заставил меня так задрожать с головы до ног, что могу сказать, что такого страха я не испытывал никогда ни в траншее, ни в открытом бою.

Я не решился в тот день больше появляться ему на глаза, а когда на завтра утром я все же явился, он сделал вид, что не замечает меня. Когда же его взгляд попадал на меня, он отводил его так быстро, что мне показалось, что он боится. У меня было немало врагов в его доме, и мою немилость быстро заметили, тем более что нашлись люди, которые слышали наш разговор и то, что он мне сказал. Господин граф де Суассон¹³, который был противником кардинала, воспользовался этим, чтобы предложить мне перейти к нему на службу. Хотя он и был принцем крови, что могло дать мне немалые преимущества, я ответил тем, кто обратился ко мне от его имени, что у меня слишком много обязательств по отношению к господину кардиналу, чтобы иметь желание поменять хозяина. Другой, возможно, рассказал бы Его Преосвященству об этом предложении, но я, подумав, что в моем положении это может быть неправильно воспринято, решил этого не делать.

¹³ Граф де Суассон – Луи де Бурбон (1604–1641), кузен Людовика XIII (его отец приходился королю троюродным братом).

Ля Ферте, отец того, кто стал маршалом Франции, был на стороне этого графа, но он был неверным слугой. Граф не делал и шага, о котором он тут же не докладывал бы кардиналу, и он узнал, не знаю уж как, о сделанном мне предложении и тут же донес об этом. Кардинал принял меня за предателя и, посмотрев на меня недобрым взглядом, спросил, есть ли мне что сказать ему. Я ответил, что мне нечего сказать, так как он своими словами навсегда закрыл мне рот.

– Неужели этим же я закрыл вам и сердце? – воскликнул он. – Неужели после этого вы не захотели отомстить мне?

– Вам, Монсеньор? – ответил я удивленно. – Как такая мысль могла бы прийти мне в голову? Вы же мой хозяин, которому я обязан всем...

– Это все мне известно, – перебил меня он, – но все же, какие у вас дела с графом де Суассоном и что вы затеваете с ним вместе?

По этим словам я понял, что меня кто-то выдал.

– Монсеньор, – ответил я, – если я вам не рассказал ничего, это не потому, что я хотел что-то сохранить от вас в тайне. Просто я подумал, что достаточно будет выполнять свои обязанности, не становясь при этом доносчиком. Господин граф де Суассон предложил мне перейти к нему на службу, но те, кто рассказал вам об этом, должны были бы передать и мой ответ на это предложение.

– Я все знаю, – сказал господин кардинал, – и я вам советую честно во всем признаться, если вы хотите, чтобы я

простил вас.

– Я не собираюсь просить прощения, Монсеньор, – ответил я, – я лишь хочу, чтобы вы были справедливы ко мне. Я сказал, что у меня уже есть хороший хозяин и я не хочу менять его на другого. И я буду повторять это все время, пока Ваше Преосвященство будет нуждаться в моих услугах...

– Это все, что вы хотите мне сказать? – перебил меня господин кардинал. – Ну что же, хорошо, только смотрите не раскайтесь потом, когда уже будет поздно.

Я ему сказал все то, что мог сказать невиновный человек, а так как он сомневался в том, что я говорю правду, он еще целых восемь дней даже не смотрел в мою сторону. В течение этих дней он задействовал Ля Ферте, чтобы тот все еще раз перепроверил. Ля Ферте сделал все возможное, но он узнал лишь то, что со мной говорил Месьер – человек, преданный своему хозяину, из которого невозможно ничего вытянуть, – и что он сам обратился к принцу. Он сам ему сказал, что я – отважный парень, что я имел возможность продемонстрировать это, а также что я – очень верный, однако у меня не сложились отношения с кардиналом, к которому у меня могут быть претензии, и что это удобный случай, чтобы заполучить ценного человека, и что он может со мной поговорить от его имени. Граф де Суассон, который был человеком простым, также рассказал, что ничего не получилось, что Месьер говорил со мной, но безрезультатно.

Это вернуло мне милость господина кардинала, но во-все не свободу господину де Марийаку. Напротив, королева-мать, постоянно затевая все новые и новые дела с этим министром, окончательно погубила его. А так как предлогов для его ареста явно не хватало, стали искать преступление в области хищения государственных средств, в чем при особом желании тогда можно было обвинить практически любого. И действительно, кто может быть совсем уж невиновным, если он отвечает за то, что делают его солдаты? Вот под таким ничего не значащим предлогом кардинал и осу-

щесвил свою месть. Он направил к маршалу своих комиссаров, и они стали задавать ему тысячи вопросов по различным пустякам. Он четко отвечал пункт за пунктом, что весьма обременяло судей, но кардинал, видя, что они находятся в нерешительности, напомнил им о том, что им стоило бы быть повнимательнее в выполнении своих обязанностей, и они сделали все так, как было нужно. Они приговорили его к смертной казни через отсечение головы, и в тот же день приговор был приведен в исполнение на Гревской площади. Я, зная деликатность господина кардинала, спросил его, могу ли я поносить траур. Он холодно ответил мне, что я волен делать все что хочу, что для меня означало, что ничего делать не надо.

* * *

Месяц или два спустя мне предложили весьма выгодный брак, к которому господин кардинал постарался меня склонить, но скорее из-за неприязни к графу де Суассону, чем по какой-то иной причине. Дело в том, что девушка, которую мне предложили, была племянницей и наследницей барона де Купе, известного противника его семьи.

Дело в том, что граф однажды отправил капитана своих гвардейцев, и тот начал донимать барона под предлогом того, что он сказал что-то нелюбезное в адрес некоей дамы, которую граф уважал. Это стало причиной скандала. Все дворян-

ство, принявшее участие в этом противостоянии, было собрано по письменной просьбе барона, и было принято решение, что его ранг защищает его от подобных нападков. Было решено также, что его должны оставить в покое, а тот, кто нарушит это постановление, будет называться человеком, лишенным чести. Это решение было выполнено, и граф оказался в одиночестве. Он сделал все возможное, чтобы снова быть принятым в благородные круги общества, но никто не хотел с ним общаться. Тогда он попросил для себя командование армией, когда противник подошел к Корби, но все войска уже были под чьим-то командованием, однако он все равно надеялся, что конъюнктура будет к нему благоприятной. Чтобы преуспеть в этом деле, он пошел на жуткие траты, накрыв двенадцать столов по двадцать пять приборов на каждом, пригласил всех, предлагал каждому деньги.

Таким способом он добился дружбы многих, но при этом родственники и друзья барона де Купе так его и не простили, а так как они только и думали что о мести, они обратили свой взор на меня, когда встал вопрос о замужестве его племянницы. Они были уверены, что господин кардинал меня поддержит. Ему даже рассказали обо всем, и он мне сказал, что это лучший для меня вариант. Я был удивлен подобным предложением, ведь у меня не было ничего, что могло бы выделить меня в качестве жениха, и я сразу решил, что за этим что-то скрывается. Однако, увидев девушку, я понял, что она прекрасна, но излишне свободна от предрассудков,

так как уже на второй встрече она показала мне, что мы уже почти муж и жена и я не должен неправильно интерпретировать ее некоторые небольшие вольности. Уже этого было для меня достаточно, а присмотревшись к ней повнимательнее, я решил, что она беременна, и это меня тут же совсем охладило. И я не ошибся, она действительно оказалась беременной, ее родственники спешили выдать ее замуж, и они сочли неправильным то, что я отошел в сторону, и даже надавили на барона де Купе, чтобы он побранил меня. Чтобы очернить меня перед господином кардиналом, они сказали, что граф де Суассон отговорил меня от этого брака, что я встал на его сторону и что они считают, что я полностью в его руках и это отстраняет меня от них. Это последнее они могли говорить спокойно, но господин кардинал подумал, что все, что они говорят, это правда, и приказал бросить меня в тюрьму, даже не выслушав моих объяснений.

Я обратился к Ля Удиньеру, который закончил карьеру капитаном гвардии и который был одним из моих друзей. Я попросил его прийти ко мне, и я сказал ему, что со мной все кончено, если он не замолвит за меня словечко, ибо мои враги наговорили на меня господину кардиналу. Я сказал, что кардинал поступает жестоко по отношению к человеку, который верно служил ему, который не мог его оскорбить в ситуации, когда самозащита была необходима и вполне законна, что я прошу разузнать, чем я вызвал такое недовольство, что если я виновен, то готов предстать перед судом и

даже умереть, но я невиновен и не могу спокойно смотреть на потерю его уважения и милости.

Ля Удиньер пообещал мне сделать то, что я у него просил. На следующий день он снова пришел ко мне и сказал, что у него для меня есть лишь нехорошие новости: что господин кардинал так зол на меня, что решил отрубить мне голову, что он говорил, что пригрел змею в своем доме, что я шпионил на графа де Суассона, по приказу которого я не только отказался жениться на племяннице барона де Купе, но и выступил против него. Я не смог удержаться от смеха при таких обвинениях, а потом сказал, что даже самые великие люди иногда ошибаются, как простые смертные, и попросил от моего имени передать, что я не хочу, чтобы мне отрубили голову, что не хочу и слышать о графе де Суассоне, что не желаю племянницу барона де Купе только потому, что она беременна, причем не от меня, и находится уже на четвертом месяце, а Его Преосвященство не может требовать такого от своих подчиненных.

Ля Удиньер передал слово в слово наш разговор господину кардиналу, и он был очень удивлен, когда узнал, что эта девушка была беременна. Он внимательно посмотрел ему в глаза, ничего не сказал, но его молчание не длилось долго.

– Возможно ли, Ля Удиньер, – сказал он, – чтобы меня обманули, чтобы эти жалкие создания посмели меня обмануть?

Ля Удиньер ответил ему, что знает меня как честного че-

ловека, что если я что-то говорю, что так оно и есть на самом деле, и что есть способ все прояснить, что нужно вызвать племянницу к Его Преосвященству или отправить к ней опытную женщину, что еще лучше. Господин кардинал посмеялся над этим предложением, но в то же время послал за бароном де Купе. Он поставил перед ним вопрос ребром: беременна ли его племянница и господин ли де Суассон разорвал помолвку? Такие вопросы обеспокоили бедного барона, он попытался пойти на попятную и отвечать уклончиво, но господин кардинал пригрозил ему, и тот вынужден был пасть ему в ноги и просить прощения. Господин кардинал отправил его в тюрьму и в тот же момент приказал выпустить меня. Увидев меня, он протянул мне руку и сказал, что постарается исправить то, что сделал. Я поцеловал ему руку и сказал, что благодарен ему за заботу о себе, добавив, что мне хотелось бы, чтобы он поверил, что я не способен на предательство.

* * *

Так я снова вернул себе его милость. Через несколько дней господин кардинал сказал мне, чтобы я начистил сапоги и был готов отправиться в путешествие. Нужно было направляться в Брюссель, куда вынуждена была уехать мадам

де Шеврёз¹⁴ после того, как она попыталась повлиять на образ мыслей королевы-регентши.

Ее подозревали в том, что она интригует, вступив в сговор с группой высокопоставленных дворян, и я должен был раскрыть эти интриги. Однако, чтобы никто не заподозрил об истинной цели моего путешествия, мне приказали переодеться в капуцина, чтобы все думали, что я им и являюсь. Соответствующую одежду мне должны были подготовить за два-три дня до отбытия. Кроме того, я должен был поселиться у капуцинов на улице Сент-Оноре, как будто я прибыл туда из какого-то провинциального монастыря.

¹⁴ Мадам де Шеврёз – Мария де Роган, герцогиня де Шеврёз (1600–1679), в первом браке жена маршала де Люиня, с 1622 года была замужем за Клодом Лотарингским, герцогом де Шеврёзом.

Отец Жозеф

Настоятель, который был человеком отца Жозефа¹⁵, фаворита кардинала, принял меня как положено, и, получив инструкции от самого отца Жозефа, я отправился в Брюссель, куда мне следовало прибыть пешком. Это было необходимо, чтобы быть похожим на молодого монаха, верного своему предназначению.

Я быстро устал от ходьбы и от необходимости попрошайничать во имя любви к Господу, я просто проклял это путешествие. Тем не менее я прибыл на место через пятнадцать дней непрерывной ходьбы. Я был в таком состоянии, что два дня не мог подняться. Я нашел на месте какую-то жалкую кровать, хотя был привычен к приличным постелям, упал на нее, но вскоре должен был идти в церковь. Мне стало казаться, что кардинал отправил меня в настоящее чистилище.

¹⁵ Отец Жозеф – Франсуа дю Трамбле (1577–1638), начальник канцелярии кардинала де Ришельё, исполнитель его тайных поручений, в неразборчивости принимаемых политических средств превосходивший своего начальника. Имел прозвище Серый кардинал.

Мадам де Шеврёз

Тем временем я познакомился с несколькими француза-

ми, которые тоже прибыли в монастырь. Указав им на одного человека, которого мне часто приходилось видеть в монастыре, я спросил у них, кто это такой. Мне ответили, что это маркиз де Лаи к, который и был тем человеком, которого я искал. Это был фаворит или даже возлюбленный мадам де Шеврёз, или, лучше сказать, он был им несколько лет назад, но с тех пор она решила заключить брак с господином де Шеврёзом, то есть она, по сути, соединила в одно шикарное рагу любовника и мужа. При отправлении из Парижа я был проинструктирован, что он был фаворитом эрцгерцога¹⁶, и целью господина кардинала было оторвать его от него, вызвав в нем ревность.

Де Лаик, к которому мне не терпелось приблизиться, сам опередил меня, подошел и начал задавать вопросы по устройству монастыря. Я не упустил возможности воспользоваться этим случаем, мы разговорились, и я рассказал ему, что моя мать – валлонка, а с моим отцом обошлись несправедливо. Он слушал меня с удовольствием, а потом стал приходить достаточно часто. До поры до времени я не решался раскрыться, но он опять опередил меня, спросив, не соглашусь ли я передать несколько писем во Францию. Я ответил, что с удовольствием оказал бы ему услугу, но не решаюсь, так как опасность выглядит очевидной. Он сделал все

¹⁶ Эрцгерцог – Леопольд-Вильгельм Австрийский (1614–1662), младший сын Фердинанда II Габсбурга, правитель Нидерландов в 1647–1656 годах, где он руководил войсками в войне против Франции.

возможное, чтобы меня успокоить, но я для верности еще поупорствовал. Он продолжал настаивать, утверждая, что я должен это сделать ради родины моей матери, то есть ради Фландрии. Я еще поделал вид, что сомневаюсь, сказав, что я и сделал бы, что меня просят, но я связан обязательствами в отношении Господа, и что мне будет трудно объяснить свое возвращение во Францию. На это он ответил, что если проблема только в этом, он ее решит за меня, а мое дело — лишь дать согласие, и он сделает все, что нужно.

Я еще долго не давал согласия, мы еще долго говорили о Господе, но потом я согласился. Было решено, что мне нужно полечиться на водах в Форже, и письма, о которых шла речь, будут направлены туда. При этом мне дали одного монаха в сопровождающие, и мы пошли в Форж, а на полпути господин кардинал в ответ на письмо, которое я ему написал, прислал ко мне курьера, которому я и передал пакет, полученный от де Лаика. Он его вскрыл, потом аккуратно вновь запечатал, ознакомившись с содержимым, и снова отправил его мне, приказав срочно сообщить о визите к тому, кому все это было предназначено.

Пакет предназначался некоему Пьеру, так называемому адвокату, жившему на улице, проходившей возле площади Мобер. Он одновременно со мной вышел из Парижа навстречу мне, но мы еще не увиделись, а рядом со мной уже был человек, который должен был проследить за ним и посмотреть, что за этим последует. Этот Пьер ничего не опа-

сался и, вернувшись в Париж, отправился к графу де Шале¹⁷, что позволило сделать вывод о том, что пакет предназначался именно ему.

Это подозрение еще больше укрепилось, когда выяснилось, что Пьер был его слугой, а потом ответ граф де Шале написал от руки, и кардинал узнал его почерк, как только ему доставили его письмо. Он был очень удивлен тем, что там прочитал. В письме речь шла о заговоре против короля, о плане выдать его супругу за герцога Орлеанского¹⁸, а самого кардинала заговорщики вообще планировали убить. Этого было достаточно, чтобы подписать смертный приговор Шале, и король потребовал, чтобы это немедленно и сделали, но кардинал посчитал, что торопиться не надо и следует выявить всех сообщников, и король вынужден был согласиться при условии, что графа не выпустят из вида и не позволят ему скрыться. Однако, чтобы выманить его из Парижа, было задумано какое-то путешествие в Бретань, а я вернулся в Брюссель со своей депешей.

¹⁷ Граф де Шале – Анри де Талейран (1599–1626), не раз участвовал в заговорах против кардинала де Ришельё. Заговор 1626 года имел целью убийство кардинала и низложение Людовика XIII, и в нем принимали участие ближайшие родственники короля и крупнейшая знать. Граф был схвачен и казнен в Нанте.

¹⁸ Герцог Гастон Орлеанский (1608–1660) – младший брат Людовика XIII, третий сын Генриха IV и Марии Медичи. Практически всю жизнь интриговал против своего брата-короля. В 1626 году, после раскрытия заговора де Шале, он согласился вступить в брак с герцогиней де Монпансье, которую ему давно сватал кардинал де Ришельё. За это он получил титул герцога Орлеанского (до этого он был лишь герцогом Анжуйским).

Ничего не подозревавший граф де Шале отправил послание в Испанию, и так король Испании также оказался заподозренным в заговоре, целью которого было уничтожение кардинала. Однако выяснилось, что королева¹⁹ практически невиновна и у нее не было и мыслей выходить замуж за герцога Орлеанского. Напротив, она хотела женить его на инфанте Испании, своей сестре, о чем и написала в Испанию. Король же Испании ответил де Шале, но у того не оказалось возможности порадоваться этому – курьер был перехвачен на обратном пути, и по приказу кардинала ему перерезали горло.

* * *

Когда все это произошло, я находился в Брюсселе. Я знал, что роль моя в произошедшем велика и что меня ждут неприятности, если это вдруг станет известно. Я продолжал скучать в монастыре, ожидая новых приказов кардинала. Маркиз де Лаик оставался моим хорошим другом, но не говорил мне, что то, что произошло, было плодом его интриги, так как он собирался воспользоваться мной еще раз и боялся меня спугнуть. У него была дочь, о которой он мне ча-

¹⁹ Королева – Анна Австрийская (1602–1666), жена Людовика XIII (с 1615 года), дочь короля Испании Филиппа III и Маргариты Австрийской. Считается, что вдохновителями заговора против графа де Шале были брат и супруга Людовика XIII, но наказать их было нельзя по определению.

сто рассказывал, и было видно, что он ее очень любит. Если бы он не был так впутан в испанские дела, было бы уместно заговорить с ним о примирении с господином кардиналом. Но я не решался заговорить об этом после того, что произошло, это ясно показало бы, что я не такой уж верный человек. А заговорить о мадам де Шеврёз – это было бы явной ошибкой. Видя себя бесполезным в этих делах, я не прекращал просить господина кардинала, чтобы он отозвал меня, но, так как он знал, что большая часть грандов была недовольна, и так как он боялся их контактов с испанцами, он оставил меня там, чтобы узнать, не откроется ли что еще.

* * *

Два полных года я прожил жизнью, которую я проклинал по тысяче раз за день. Мне приходилось лицемерить, но я это очень не любил, а посему не чувствовал себя в своей тарелке. Я часто сожалел о том, что покинул господина де Сент-Оне, что прибыл в Париж, я думал, что мог бы стать капитаном, а сейчас же я даже сам порой не всегда понимал, кто я: господин кардинал ничего для меня не сделал. Что меня мучило больше всего, так это то, что я много раз слышал о войне, и меня влекло туда, как я уже говорил, и жизнь, которую я вел, казалась мне от этого еще более невыносимой. Однако я виделся с господином де Лаиком очень часто, меня знали у него и у мадам де Шеврёз. Но вот однажды прибыли три

дворянина, и один из них стал пристально смотреть на меня.

— Боже мой, — сказал он остальным, — это же Рошфор, в этом можно не сомневаться.

Я не ожидал такого и быстро пошел прочь, повернув на первую попавшуюся улицу. У меня была сумка за спиной, и я бросил ее в какую-то дверь. Потом я направился к старьевщику и попросил у него какую-нибудь одежду, за которую я готов был заплатить сколько угодно. Он принял меня за монаха, но захотел заработать, помогая капуцину переодеться, а посему он продал мне вещи втридорога. Я купил у него рубаху, шейный платок, он подобрал мне парик, шпагу и сапоги, и это было то, что нужно. Потом я бросился на почту, взял себе лошадь и помчался из города с максимально возможной скоростью. От страха у меня словно выросли крылья.

Я миновал Фландрию, где меня уже начали искать, так как тот, кто узнал меня, был шталмейстером графа де Шалле, который укрылся в Брюсселе не потому, впрочем, что он был сообщником своего хозяина, а потому, что боялся ареста и предпочел на некоторое время удалиться из Парижа, чем рисковать оказаться в тюрьме. Он прекрасно знал меня, а посему был удивлен, увидев меня столь сильно замаскированным. Он захотел пойти за мной, чтобы спросить, почему я вырядился капуцином. Но, увидев, что я убегаю, он подумал, что на это у меня должны быть причины, а так как он знал, что я — человек господина кардинала, он все рассказал маркизу де Лаику.

Маркиз де Лаик сначала не поверил и даже пошел к капуцинам, в надежде меня там найти. Но ему сказали, что я еще не приходил, и тогда он попросил, чтобы ему сообщили, когда я вернусь в монастырь. Но при этом он все же предупредил господина эрцгерцога, так как это дело могло касаться интересов государства. И действительно, он пошел к нему со шталмейстером графа де Шале, и тот повторил свой рассказ обо мне. Эрцгерцог отдал приказ капитану своих гвардейцев отправить людей в монастырь, а еще он приказал на всякий случай закрыть ворота города, чтобы попытаться меня перехватить, если я еще не сбежал.

Так как меня не знали и так как я успел переодеться, чтобы обмануть тех, кто должен был меня ловить, ему сообщили, что я должен еще находиться в городе. Когда наступила ночь, я еще не вернулся, и они стали понимать, что я сумел спрятаться. Они думали, что я еще в городе, а посему выпустили постановление, которое обязывало выдать меня, но никто на это не отреагировал. Тогда они послали за мной в погоню, но было уже поздно.

* * *

Господин кардинал был очень удивлен, увидев меня, так как я вернулся без его приказа. Он подумал, что я сделал это потому, что мне просто надоело жить в Брюсселе, и он очень серьезно отругал меня. Но, узнав о том, что произо-

шло, он сменил гнев на милость и сказал, что я все правильно сделал. Через несколько дней он-то и рассказал мне о том, что происходило после моего исчезновения, и о том, как зол был эрцгерцог, что меня не нашли. Он сказал мне также, что моего компаньона бросили в тюрьму и он рискует никогда больше оттуда не выбраться.

Приехав, я обнаружил кое-какие изменения при дворе. Господин маркиз д'Умьер, отец того, кто сейчас является губернатором французской Фландрии и маршалом Франции, был отстранен от своей высокой должности, и он приходил каждый день к господину кардиналу, чтобы получить ее назад. Но господин кардинал отвечал ему, что нужно обращаться к королю, из уст которого шло это отстранение. Подобная немилость была связана с тем, что кардинал не любил тех, кого возвышал не он лично. Маркиз был рыжим, а так как в то время парики были редкостью и он знал, что король не любит рыжих, он причесывался стальной гребенкой и тем самым как бы подкрашивал себе волосы. Король ничего об этом не знал, но однажды во время охоты пошел сильный дождь, и вся подкраска смылась, обнажив настоящий цвет волос. Этого оказалось достаточно, чтобы маркиз был отстранен от должности, а потом уже ничто не могло ему помочь, так как король не любил отрекаться от своих слов.

Я удостоился кое-каких ласк от господина кардинала после того, как уже говорилось, как я объяснил ему необходимость своего возвращения. Но либо ему было удобно всегда

держат меня при себе, либо он не хотел меня повышать, но в результате он довольствовался лишь тем, что время от времени награждал меня, не давая никакой должности. После возвращения я получил от него две тысячи луидоров²⁰, но в моем положении это меня совсем не обрадовало. Я много тратил, и хотя получал сто тысяч экю в год, их не хватало.

Я видел, что поступаю неправильно, но не мог ничего поделать. Чтобы иметь что-то более солидное, я попросил для себя роту гвардейцев, когда освободилось это место, но господин кардинал сказал мне, что я не понимаю, что прошу, что любой капитан гвардии лишь мечтал бы оказаться на моем месте и что у него есть ко мне дело.

Короче, он все так представил, что я ему еще должен был быть обязан за отказ, что я его еще буду благодарить за эту милость, в которой я не видел ничего особенного. При этом он дал мне еще одно аббатство с шестью тысячами ливров ренты, и я поставил туда одного из моих братьев, а то моя мачеха начала уже всем говорить, что я ничего не могу добиться от господина кардинала, что он меня бросил, а я два года провел в тюрьме за долги.

Так она описывала то время, когда я находился в Брюсселе. Хотя я и слышал эти разговоры, но я решил не отказываться от своего долга. На ее месте многие благодарили бы меня, но она, узнав, что за это надо немного заплатить, еще

²⁰ Луидор равнялся двадцати четырем ливрам, то есть примерно двадцати четырем франкам.

больше ополчилась на меня. Она не только начала жаловаться, что я не делаю никакой разницы между родственниками и нашим кюре, которому я все сделал бесплатно, но и стала обвинять меня, что я дал ему больше, чем следовало бы. Она проконсультировалась в Орлеане и решила, что соглашаться на аббатство – это спекуляция, и всем объявила, что не хочет этим заниматься.

* * *

Это не помешало мне сделать все, что я хотел, для ее старшего сына. Узнав, что он попусту теряет время в деревне, я поместил его в Академию, а потом, оплатив его пансион, представил его господину кардиналу и спросил, куда его можно пристроить. Мне хотелось определить его в мушкетеры, но, зная, что у меня не очень хорошие отношения с господином де Тревилем, который ими командовал, я решил этого не делать. Да мой брат и сам был больше склонен к службе в гвардии, чем к тасканию мушкета в каком-нибудь полку. Когда я понял это, я поместил его в гвардию, и через шесть месяцев господин кардинал дал мне для него младший офицерский чин²¹. Давая его, он мне сказал, что в этом-то

²¹ Ensieigne – младший офицерский чин во французской армии, эквивалентный прапорщику (прапорщиками первоначально назывались знаменосцы), который, применительно к Франции XVII века, может быть переведен как «младший лейтенант».

и заключается разница между тем, что принадлежит ему, и тем, что ему совершенно неинтересно.

Это прекратило на некоторое время стенания моей мачехи, во всяком случае она стала возмущаться не так открыто, опасаясь, что в нее в ответ бросят камень. Но мой брат был убит во время первой же осады во Фландрии, и она возобновила ругательства в мой адрес. Она стала говорить, что я погубил ее сына ради каких-то своих интересов, что без этого я не стал бы искать ему должность, что для этих же целей я вызвал в Париж еще двух своих братьев, что я и третьего

хочу подвергнуть той же участи.

Все советовали мне не обращать внимания на эту сумасшедшую, но я это делал скорее для себя, чем для нее. Я попросил господина кардинала отдать мне младший офицерский чин моего убитого брата, чтобы я мог передать его старшему из тех, кто остался. Можно сказать, что я занимался детьми, не имея возможности произвести хотя бы одного на свет.

Это все сильно истощало мою казну, а если добавить к этому и мою собственную расточительность, то это позволяло господину кардиналу часто повторять, что я напоминаю ему бездонную корзину.

– Мне вечно не хватает денег, Монсеньор, – сказал ему я, – но имейте жалость к бедному отцу, у которого есть еще шесть детей. Он засмеялся в ответ и больше не отказывал в том, что я просил. Из этого я вытянул пятнадцать тысяч ливров в год, не считая двух аббатств, двух младших офицерских чинов в гвардии, которые были мне даны. Одну из моих сестер он поместил в Монмартрское аббатство, и это не стоило мне ни су²², но я стал смотреться как маленький фаворит. Но при всем при этом я не всегда выглядел довольным своей судьбой, и я говорил, что у меня нет ничего и после меня ничего не останется.

– Монсеньор, – говорил ему я, – если бы я мог иметь маленькую комнатку в Сорбонне и докторскую долю, как было

²² Су – одна двадцатая часть ливра.

бы здорово.

– Ты всегда недоволен, – сказал мне он, – ты мне стоишь больше, чем четверо других, однако ты вечно жалуешься.

– Бог свидетель, Монсеньор, – ответил ему я, – я так молод, и мне так многого не хватает.

– Почему ты не экономишь? – спросил он.

– Ах, Монсеньор, – ответил я, – вы же знаете, что у меня много детей, я прошу только тогда, когда действительно нуждаюсь, несмотря на то что вы мне даете, у меня нет ни су накоплений.

– Я тебя понимаю, – сказал он, – ты просишь у меня гарантированного хлеба на случай, если я умру, а об этом надо думать.

Я искренне поблагодарил его за слова, которые мне очень понравились. Потом прошло дней пятнадцать, в течение которых Его Преосвященство, казалось, и не вспоминал о том, что я сказал, а я не мог докучать ему каждый день и просто молча выполнял свою работу. Некоторое время спустя он пригласил меня в свой кабинет, взял маленькую шкатулку, открыл ее и сказал:

– Ты просил у меня хлеба насущного, и настало время дать его тебе.

Одновременно с этим он достал пергамент, связанный двумя ленточками, и протянул его мне.

– Держи, – сказал он, – это тысяча экю ренты одного Лионского банка, и я решил даровать тебе эту пожизненную

ренту, так как ты не выглядишь хорошим управляющим своим состоянием.

Несложно себе представить, как я был рад этому подарку. Это было лучше, чем если бы мне просто подарили двадцать тысяч экю, так как я бы все тут же потратил и не смог бы ничего накопить.

Этот подарок Его Преосвященства спровоцировал страшную зависть в его доме, стали говорить, что все подобные милости достаются новичкам, а старых вечно обходят вниманием. Но это было еще ничего по сравнению со злобой моей мачехи. Она сказала, что бесполезно пускать пыль в глаза, что мое злое естество не изменится, что я гнусный притворщик, что я все делаю только для себя, чтобы обмануть законных наследников, что я сам сделал этот счет в банке. Мой отец приехал в Париж, я пожаловался ему на ее поведение, но это был такой несчастный человек, он был настолько ослеплен своей женой, что мне показалось, что говорить с ним равносильно тому, что биться головой об стену.

* * *

Мы часто бывали в Рюэле, где господин кардинал имел очень красивый дом. Это были прекрасные места для охоты, я же охоту очень любил, а посему ничуть не скучал. Де Бомон служил капитаном в Сен-Жермене, он был одним из моих друзей, и мне часто доводилось охотиться вместе с ним.

Однажды он пришел и предложил мне развлечься, мы загнали оленя в лесу, а после этого он пригласил меня посетить его лесной домик. Я сказал, что сегодня никак не могу, и он пошел туда один. По дороге он встретил камердинера одного местного дворянина. Тот шел с ружьем, и де Бомон поинтересовался, знает ли он, что это запрещено. Тот, увидев, что перед ним всего один человек, ответил, что прекрасно знает, но взял ружье, чтобы подстрелить кролика. Де Бомон, шокированный таким ответом, спросил, знает ли тот, с кем разговаривает.

– Как я могу вас не знать, – сказал ему этот плут, – вы слишком заметная личность, чтобы вас не узнать.

Де Бомон был одноглазым и совсем потерял самообладание при подобном ответе. Однако он заметил, что нарушитель встал в защитную стойку, и тогда он сделал вид, что в лесу еще кто-то есть и он готов прийти ему на помощь. Камердинер немедленно развернулся и вернулся в дом своего хозяина, где в тот момент случайно находился я. Он ничего не рассказал о том, что произошло, но так как мы сидели за столом, он спустился на кухню. Вскоре мы услышали шум во дворе, и это заставило нас подняться, чтобы пойти посмотреть, что происходит.

Я был удивлен не меньше, чем хозяин дома, так как двор был полон людей в синих полукафтанах. Это были гвардейцы де Бомона. Камердинер говорил с ними, но при этом они не знали, кто он. Они рассказали, за кем пришли. И тогда, вме-

сто того чтобы пойти с ними, он убежал в дом и там спрятался. При этом хозяин дома, не знавший, что происходит, взял ружье и был готов выстрелить. Я остановил его и двинулся к гвардейцам, которые все прекрасно меня знали, и спросил, в чем дело. Они рассказали мне, что произошло. Я попросил их не двигаться, пока я не вернусь, и пошел все объяснить хозяину дома. Я предложил ему, чтобы один гвардеец вошел в дом вместе со мной. Это было непросто, но он доверился мне. Гвардейцы все вокруг обыскали, понимая, что камердинер не мог уйти далеко. Они осмотрели все уголки, но безрезультатно, а потом решили, что его унес сам дьявол. Лишь после того, как они удалились, камердинер хозяина дома выбрался из своего тайника.

Этот человек, кстати, не стал дальше скрываться у своего хозяина и, попросив у него отпуск, уехал к себе на родину, которая находилась в десяти – двенадцати лье от Парижа. Он нашел там своего старого отца. Тот был тяжело болен и страшно обрадовался, что может его увидеть перед смертью. Он был бедным человеком, и рядом с ним не было никого, и он попросил, чтобы сын дал ему попить. Он это просил много раз в течение четверти часа. Камердинер дал ему попить один или два раза, ничего не говоря, но ему стало лень это делать, и он принес отцу сразу целое ведро, сказав, что не может постоянно бегать туда-сюда. Для несчастного отца это было ужасно, он стал упрекать сына в бездушии, а тот вдруг взял ведро и опрокинул его на отца, сказав, что пусть

он обоюется, если ему так хочется.

После этого он поехал в Париж и там натолкнулся на президента Сегье²³, тот впал в бешенство от подобной наглости и приказал бросить его в тюрьму. Тогда было принято допрашивать всех заключенных, и на допросе либо его физиономия показалась слишком злобной, либо это Бог наказал его за ужасное поведение, но судьи решили переправить его на родину, чтобы там узнать побольше о его жизни и проступках. Комиссар, занявшийся этим, нашел его отца уже мертвым, но тот успел рассказать о страшном поступке своего сына многим людям, так что не было ни одного человека, кто вступился бы за него. Комиссар составил доклад, соблюдая все формальности, виновного предали суду и приговорили его к повешению. Перед виселицей он признался во всех своих страшных преступлениях, и его колесовали, как это делалось раньше с самыми страшными негодяями.

Это, без сомнения, хороший урок для тех, что думает, что сможет избежать Божьего наказания. Некоторые люди склонны думать, что могут выкрутиться из любой передраги, но потом погибают из-за пустяка. В конце концов, этот человек пострадал из-за случайного столкновения с президентом Сегье, а без этого он ходил бы с высоко поднятой головой, думая, что ему нечего бояться.

²³ Пьер Сегье (1588–1672) – герцог де Вилльмор, президент парламента (высшего суда) с 1624 по 1633 год. Его дочь Мари была женой племянника кардинала де Ришельё. До него президентом Парламента был его дядя, Антуан Сегье (1552–1624).

Как я уже говорил, я добился чина лейтенанта гвардии для моего брата. Он участвовал в двух или трех осадах, которые имели место в очередной военной кампании. Господин кардинал, пожелав узнать, хорошо ли он выполняет свой долг, спросил об этом у маршала де Граммона, прибывшего к нему утром. Камердинер, стоявший у двери, потом рассказал мне, что маршал ему ответил, что это очень хороший мальчик. Я бы еще кое-что предпринял, чтобы сделать для него еще что-нибудь, но мне было неловко обращаться с просьбами слишком часто. К тому же у него был еще и младший брат, и он тоже уже находился в возрасте, позволявшем отправиться на войну. Я представил его господину кардиналу и попросил, как я это уже делал для старшего, куда-то его пристроить. Господину кардиналу он понравился, и он сказал, что мне повезло, что у меня такие высокие и хорошо сложенные братья.

— Младший офицерский чин в гвардии, Монсеньор, — сказал я, — для него был бы столь же хорош, как и чин лейтенанта для его старшего брата. Такое место сейчас как раз вакантно, и я заверяю Ваше Преосвященство, что, когда настанет время, он докажет, что у него достаточно и доброй воли, и храбрости. Кардинал подумал немного и сказал:

– Ты хочешь столкнуть меня с господином д'Эперноном²⁴. Но знаешь ли ты, что он не любит, когда вторгаются в сферу его компетенции, он же даже вступил как-то в спор с самим королем из-за какой-то роты гвардейцев?

– Если он будет слишком придираться к вам, Монсеньор, – ответил я, смеясь, – нас уже тут три брата, а ведь есть еще и другие, и, когда они подрастут, они все смогут постоять за ваши интересы.

– Хорошо-хорошо, – сказал мне господин кардинал, – найди его и скажи от моего имени, что он должен тебя наградить.

Я не преминул поблагодарить его за такую милость и тут же отправился к господину д'Эпернону. Он сказал мне, что для такой малости, о которой идет речь, было бы достаточно рекомендации господина кардинала, но раз я пришел лично, то и этого вполне хватит.

* * *

Конечно, ничто не могло сравниться с добротой, которую мой хозяин проявлял ко мне, и единственной проблемой для

²⁴ Герцог д'Эпернон – Луи де Ногаре д'Эпернон (1593–1639), архиепископ Тулузский. Сын Жана-Луи де Ногаре, герцога д'Эпернона. В 1627 году отказался от сана и начал карьеру военного, командовал французскими войсками во время Тридцатилетней войны. Его брат, Бернар де Ногаре, герцог д'Эпернон, был мужем Анжелики де Вернёй, внебрачной дочери короля Генриха IV и его любовницы Генриетты де Бальзак д'Антраг.

меня было то, что я не мог отблагодарить его за все, что он для меня делал. Однако я искал для этого любые возможности.

Однажды, например, мне ради этого пришлось вступить в перепалку с несколькими людьми. Дело в том, что один англичанин начал плохо говорить о кардинале. Похоже, что избыток выпитого вина мешал ему контролировать свои слова, а может быть, у него на это были какие-то свои тайные причины. В любом случае, я сказал ему, чтобы он не говорил так о моем хозяине, в противном случае я заставлю его замолчать. Однако он продолжал, мое терпение лопнуло, и я бросил ему что-то в лицо. Он хотел выхватить шпагу, я выхватил свою, но наши друзья развели нас в стороны и попытались утихомирить. Это было невозможно. Потом появился некий третий и предложил мне свои услуги. Я всех поблагодарил, сказал, что ни о чем не жалею, что не могу помешать этим двум господам проводить меня до дома, но что игра должна быть равной.

На следующее утро, когда я был еще в постели, мой слуга доложил мне, что меня спрашивает какой-то господин. Не сомневаясь, о чем идет речь, я приказал впустить его. Он вошел и сел около моей кровати. Я его узнал. Это был один из тех, кто вчера находился с моими двумя противниками. Я дал ему знак ничего не говорить, пока мой слуга не выйдет. После ухода слуги он поприветствовал меня, а потом заявил, что я оскорбил его друга, очень достойного человека, что это оскорбление можно смыть лишь кровью, что меня ждут, а

поэтому я должен прийти и привести с собой двух своих друзей.

Из всего разговора проистекала лишь одна трудность —

нужно было втянуть в ссору еще двух человек. Я не знал, на ком остановиться, и долго оставался в замешательстве, но потом вдруг подумал, что у меня есть два брата, которые, как и я, ощутили на себе благодеяния господина кардинала, и я решил не привлекать посторонних, так как речь шла о битве за его интересы. Я предупредил братьев, мы все вместе отправились в Булонский лес, который был местом для подобных встреч, там мы выхватили шпаги и стали драться. Сначала мой младший брат был ранен, но и он успел ранить и обезоружить своего противника. Я сделал то же с моим противником, и мы двое бросились на помощь нашему третьему брату, так как его противник проткнул его и он упал мертвым у его ног. Для братьев это был сигнал к отмщению, и кровь, лившаяся из раны младшего, нас не остановила, в результате этот человек стал просить пощады, когда мы на него навалились, но я счел, что не нужно оставлять его в живых.

Так мы победили: у нас лишь один пал на поле боя, а у них все трое. Однако это оказалась не единственная наша потеря. Рана младшего брата тоже оказалась смертельной. Он сначала сопротивлялся силой своей молодости, и я даже был удивлен, когда он вдруг испустил дух у меня прямо на руках. Никогда мне не было так грустно. Я видел себя причиной смерти этих двух многообещающих мальчишек, которых я сам, если можно так выразиться, привел на бойню. Можно себе представить, что почувствовала моя мачеха при этом известии. И мне нечего было ей ответить. Я мог бы многое

сказать в свое оправдание, но мне показалось, что лучше будет дать высказаться другим. Тем более что помимо этого несчастья, которое само по себе было немалым, было и еще одно, не дававшее мне покоя ни днем ни ночью.

* * *

Хотя господин кардинал и был главной причиной нашего боя, дуэли были запрещены, и он не желал меня больше видеть, словно я был каким-то убийцей. Мне пришлось спрятаться, и мне рассказали, что меня повсюду ищут, чтобы передать в руки правосудия, и этим уже занимается господин генеральный прокурор. Ля Удиньер, остававшийся моим другом, первым предупредил меня об этом и сообщил, что господин кардинал так взбешен, что он даже не решился замолвить обо мне слово. Я тоже не стал его ни о чем просить, опасаясь, что Его Преосвященство догадается, что он виделся со мной. Мне подумалось, что полезнее будет, если он будет делать вид, что ничего обо мне не знает, а сам постарается проследить за обстановкой. Так продолжалось почти три месяца, что весьма долго для человека, вынужденного прятаться. При этом если у меня и были враги или, лучше сказать, завистники, то они не теряли зря времени, и невозможно даже представить, сколько всяких сказок они успели понарасказать обо мне господину кардиналу.

Граф де Молеврье из Нормандии оказался из их числа, хо-

тя я почитал его своим другом и даже дал ему повод считать меня таковым. Благодаря мне, например, он получил младший офицерский чин в гвардии, в котором ему сначала отказали. Потом я представил его господину графу д'Аркуру, чтобы он мог пойти вместе с ним в армию, и могу утверждать, что лишь моя протекция помогла ему. Это был благородный человек из дворянства мантии²⁵, каких тысячи в провинции. Но к моменту, когда я попал в опалу, он уже превратился в моего смертельного врага. Действительно, мне из многих источников доносили, что он плохо говорил обо мне господину кардиналу. Я был в ярости и только и мечтал о том, чтобы выпутаться из своих проблем, связанных с дуэлью, и восстановить справедливость.

²⁵ Знать среднего уровня во Франции подразделялась на дворянство мантии (noblesse de robe), приобретенное гражданской службой, и дворянство шпаги (noblesse d'epée), приобретенное военной службой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.